

Колдовские Миры

МИХАЭЛЛА И ДЕМОН ЧУЖОЙ МЕЧТЫ

КАТЕРИНА ПОЛЯНСКАЯ

Annotation

Если, спасаясь от преследователей и нелепых обвинений, ты случайно увидишь, как ведьма творит свои черные дела, мой совет: пробегай мимо, и чем быстрее, тем лучше! Я вот не смогла. Загляделась. Чем нечаянно ей помешала. И теперь за мной охотятся очень злые наемники, не менее злая ведьма и... озабоченный красавец, результат прерванного колдовства.

Последний, наверное, чтобы поблагодарить.

Хотя...

Катерина Полянская

Михаэлла и Демон чужой мечты

© Полянская К., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Лежа на крыше ветхого, полуразвалившегося сарая, я старалась даже дышать как можно тише, поскольку всерьез опасалась, что постройка рухнет. Вот будет досада! Спрятаться больше оказалось негде: бежать в село страшно, чтобы закопаться в мох, нужно время, а лазать по деревьям я никогда особенно не умела. Что поделаешь, не было в моем детстве шумных игр в лесных разбойников. Вернее, они были, но я не участвовала, только подглядывала тайком.

Солнышко припекало, и спина под шерстяным платьем вскоре сделалась неприятно липкой. Еще неделю назад следовало купить обновку полегче, но Мьярина задержала жалованье. В первый раз за четыре года, что я на почте служу. Но от этого прохладнее не становится.

В голове теснились самые разные мысли. Например, о том, что, если вдуматься, все истории начинаются примерно одинаково: сидела, никого не трогала — и тут... Далее возможны варианты, но суть все равно одна. Проблемы!

Свои я умудрилась найти, практически не выходя из дома.

Шаги.

Услышав хруст сухих веток и шорох иглицы под сапогами, я на миг обмерла и всем телом вжалась в ветхую крышу. Прогнившие доски угрожающе затрещали, вниз посыпалась труха. Это отрезвило и заставило внимательнее прислушаться.

И вскоре я поняла, что приближается всего одна пара ног. Вряд ли это за мной.

Еще через некоторое время из-за раскидистых елей, бормоча себе под нос какую-то песенку, вышла хорошо знакомая мне особа — чернявая, простоволосая, в пестром платье из лоскутов и красных сапожках на каблуке. Их острые загнутые носы словно норовили взглянуть на хозяйку, а амулеты на шее и вокруг талии молодой женщины мелодично позвякивали, будто подыгрывали ее песенке.

Арина. Или госпожа ведьма, как ее величали местные, и я в том числе.

Ее в селе уважали, как же, единственная ведьма на всю округу. Приехавший из столицы лекарь и две его помощницы, спасая народ от болотной лихорадки, отдали души покровителям, а студентики, которых в последние годы изредка присылали, вообще ни на что не годились, так что со всеми проблемами люд шел только к ней. Само собой, госпожа ведьма не бедствовала. Мне на такие сапожки три года копить, и то с условием, что откажусь от еды.

Собственно, это я все к тому, что если она за меня вступится, может быть...

Додумать мысль, а тем более что-то предпринять не успела. Ведьма вытащила из наплечной сумки флягу, украшенную самоцветными камнями, и целенаправленно зашагала к просвету меж двумя соснами, аккуратно напротив моего укрытия.

Обзор представлялся хороший, и с явлением себя я решила немного повременить.

Что плохого случится, если я немного подсмотрю? Я ведь не следила за ней, ведьма сама пришла. А хоть раз в жизни поглядеть на чародейский ритуал страсть как хотелось. Репутация у Арины исключительно хорошая, вряд ли она тут будет творить нечто такое, чего не следует видеть чужим глазам.

Успокоив себя таким образом, я обратилась во взор.

Тем временем ведьма добралась до нужного места и вылила содержимое фляги на

землю.

Сгушающиеся сумерки, казалось, сделали приторный запах еще сильнее и слаще. Два вздоха — и к горлу подкатил ком. Я чуть не выдала себя! Чтобы этого не случилось прежде времени, пришлось утыкаться носом в рукав шерстяного платья и бороться с приступом тошноты. Кто же знал, что магия — эдакая мерзость?

А ритуал меж тем двигался полным ходом. Когда я вновь посмотрела в сторону основных событий, из земли как раз пробивался зеленый росточек. Делал он это стремительно и уверенно, что не свойственно нормальным растениям. А ведьма улыбалась и наблюдала за процессом так, будто ей самой было любопытно, что же в итоге получится. Можно подумать, не знает, что колдует! Мне снова сделалось интересно. А еще вдруг подумалось, что лучше бы мне здесь все-таки не быть и всего этого не видеть, но деваться было некуда, а потому прогнала разумную мысль подальше.

Росточек все увеличивался и уже скоро перевалил за привычный размер цветка. И все же это был цветок — стебель, листья, несколько закрытых бутонов. Диво доросло до размера клена, одного из тех, что у старого пруда стеной стоят, и остановилось. Бутоны медленно стали раскрываться.

— Лилия... — одними губами произнесла я, с трудом вспомнив название цветка. — И воняет так же.

В цветах я не особенно понимала, но этот узнала. Год назад такой, только розовый с пятнами, посадила у себя Виатта, купеческая дочка, прямо под окном. Так сама слегла и хворала, пока гадость не вырвали и не выкинули.

На наколдованной громадине распустились большие белые цветы. И запах был тоньше того, что я запомнила, но все равно слишком сильный.

Дальше началось совсем жуткое.

Арина отцепила от пояса нож, прошептала несколько слов над кривым лезвием и, вытянув руку, размашистым движением резанула запястье. Застонала от боли, но руку продолжала держать так, чтобы кровь капала на корни цветка.

Жуть какая-то...

Желание подсмотреть волшебство истаяло безвозвратно, как хмельное в кружке старика Базиля пятничным вечером. Я уже поняла, что ненароком увидела то, чего видеть никому не следовало, и запоздало уткнулась лицом в ветхую крышу. Кровь... Это наверняка темная магия! Запрещенная. Если узнают, Арине не сносить головы. А если она узнает, что я оказалась свидетельницей...

Но, очевидно, сегодня покровители смотрели в другую сторону.

Они и прежде особенно не баловали меня вниманием. Видимо, находились более достойные объекты.

Стоило решить, что я не хочу знать, что там дальше произойдет, как крыша подо мной затрещала.

Ведьма вздрогнула, обернулась.

Может, не заметит?

Ну нет, мне никогда так не везло.

Ругательства мы с Ариной прошипели одновременно.

А потом постройка, на которую я забралась со страху где-то с час назад, качнулась, сильно накренилась... и часть крыши вместе с одной стеной просто развалилась. Я с криком полетела вниз, размахивая руками в попытке ухватиться за что-нибудь. Но все, что

попадалось под пальцы, тоже падало и служить опорой категорически не хотело. Из-за взметнувшегося облака пыли и трухи кругом видно ничего не было, и почему орет ведьма, для меня так и осталось загадкой.

Удар о землю, усыпанную остатками подгнивших досок, выбил из меня весь воздух. Дыхание не возвращалось долго, и я всерьез испугалась, что задохнусь. Когда же получилось глотнуть воздуха, в нос и рот набилась пыль, я отчаянно закашлялась. До хрипа и слез на щеках.

Как же больно... кажется, я что-то себе сломала. Только не пойму что, руки-ноги вроде нормально двигаются...

С большим трудом мне удалось подняться на четвереньки, и тут гроыхнуло. Прямо над головой! Странно, кажется, небо светлое было... Или это кусок сарая развалился? Не успела я понять, что к чему, как прямо в лилию ударила молния и повторился громовой раскат.

Пыльное облако поредело, и стало возможно рассмотреть хоть что-то перед собой. А именно, ведьму, которую явно чем-то приложило и которая теперь лежала без сознания. Дышала, это я точно видела, но в себя Арина приходит не спешила. И ссадина у нее на лбу здоровенная краснела.

Цветок исчез. Вместо него на земле в странной скрюченной позе застыл беловолосый мужчина. Молодой, бледный и непривычно худой. Не то что по сравнению с кузнецом или плотником, он даже рядом с пекарем и его сыновьями мелким будет. Узкое лицо с тонкими чертами казалось непривычным. Вроде все как у всех — глаза, нос, губы, а все равно другое. И руки нежные, как у богатой барышни. Не болело бы все внутри, непременно бы потянуло смеяться.

«Как ведьма это проделала? Как он сюда попал?! А мне зачем это знать?!» — подумала я и подползла поближе.

Темная магия, случайная свидетельница, ведьма меня точно видела... Можно было понадеяться, что не признала, но это было бы волшебство похлеще цветка, политого кровью, из которого появился голый мужик. И зачем он Арине сдался? Почему было не начаровать ему хотя бы штаны, а то совсем срам... Не о том думаю! Осознав это, я заодно поняла, что пора убираться отсюда, и начала потихоньку отползать.

Совсем недалеко продвинулась, когда заколдованный мужчина разлепил глаза и недоверчиво уставился на меня.

Странные у него глаза... Страшные.

Ярко-голубые, холодные, как два озера, и в их кристальной глубине плавают вертикальный золотой зрачок. Узкий, будто ниточка.

Искры, рассыпавшиеся вдоль золотой полоски, словно прибавили мне сил. Я начала пятиться активнее. Наколдованный на нас с ведьмой внимания не обращал. Он повел голыми плечами, хрипло застонал, удивленно оглядел себя, потом вытянул руку и стал пристально разглядывать ее.

И тут ведьма решила, что мы без нее соскучились, и слабо пошевелилась.

Одновременно с этим в стороне послышались шаги, грубые голоса и басистый собачий лай.

Все, добегалась.

Лучше бы ведьма побыстрее приходила в себя! Эта хоть сразу убьет, а те еще помучают.

Хоть я и попыталась схорониться под обломками, заметили меня сразу. Перед носом клацнула зловонная пасть, и усатый дядька в неприметном черном плаще распорядился:

— Хватайте уродину!

— А эти как же? — Один из парней помоложе окинул внимательным взглядом постанывающую ведьму и наколдованного, который все еще разглядывал свою руку, будто на ней было нечто, видимое ему одному.

Усатый сплюнул себе под ноги и оттащил пса, пока тот меня не порвал. Здоровенный волкодав разочарованно засопел.

— Господин только насчет уродины распорядился. Берите ее и пошли.

Боль от падения все еще была такой сильной, что я не почувствовала ничего нового, когда меня грубо вздернули на ноги, заломили руки и потащили к богатому дому.

Вот так всегда... Уродина. Безобразная. Образина. Сомневаюсь, что жители села хотя бы помнят мое имя. Эти были не местные, но и они сразу сориентировались.

Путь предстоял не особенно быстрый. Чтобы добраться до дома господина Ффруа, требовалось частично обогнуть селение, вдобавок я еле ковыляла, и это тоже не добавляло скорости передвижению. Наемники ругались, грубо пихали меня в спину, но быстрее все равно идти не получалось. Пока я с трудом поднималась на ноги после очередного падения, самый молодой — прыщавый русоволосый паренек лет семнадцати на вид — не то с отвращением, не то с восхищением заметил:

— Никогда не видел такой страшной девицы.

Дружки разговор поддержали, и меня до самого дома оставили в покое. Ну, разве только держали крепко, чтобы не удрала.

Когда не пихают со всех сторон, идти, несмотря на боль во всем теле, куда легче.

Механически перебирая ногами, я изо всех сил старалась думать о платье. Одно из двух шерстяных, которые у меня имеются, теперь было измазано и порвано в нескольких местах. Надеюсь, получится выстирать и зашить. С моим жалованьем я еле на летнее наскрести смогу, а если еще и это...

И все равно совсем не слышать разговора мужчин не получалось.

К замечаниям в адрес своей примечательной внешности я привыкла давно и почти так же давно научилась делать вид, что они меня не задевают, но все же в глубине души было обидно. И понимание, что из-за обезображенного лица мне никогда не узнать, каково это — иметь ухажеров или хотя бы подруг, никогда не выйти замуж, не стать матерью, не получить даже по деревенским меркам нормальную работу, а значит, всю оставшуюся жизнь едва сводить концы с концами, больно царапало. Но поделаться тут ничего нельзя, и я просто запретила себе об этом думать. Но иногда любопытная мысль — какой бы я была, если бы болезнь не обезобразила мое лицо? — нет-нет да и проскальзывала.

Пятнадцать лет назад в деревню с болот пришла лихорадка. Но не такая, которая случалась прежде и до сих пор является в конце почти каждого лета. Болеют немногие и почти никто не умирает. Один или двое, никогда не больше. Местные исправно льют слезы и несколько дней ведут себя так, будто жизнь кончилась, потом резко забывают, и все возвращается в свою колею. Я же давно научилась спокойно относиться к смерти.

В тот раз было иначе. Заразились многие, но вылечиться посчастливилось одной мне. Хотя лично я никогда не считала это везением. Каждый, кто соприкасался с больным, уже через несколько часов покрывался язвами. Жар, бред... смерть. Так половина деревни полегла.

Моя мать была помощницей лекаря, ее всего за несколько недель до того прислали в эти места. Как мне потом рассказывали, она умерла одна из первых. Оно и неудивительно, мэтр

Говард и две его помощницы сутками не отходили от больных, но тех становилось все больше. Я заразилась уже позже, когда болезнь отступала. Наверное, потому и уцелела, как знать.

Следы от уродливых язв так и не исчезли с лица. И уже не исчезнут.

Я смирилась. Почти.

Когда все закончилось, село наше прозвали Черным Лесом. Название, как ни странно, прижилось. Не так много времени прошло, но прежнего теперь и не помнит никто.

Едва стало ясно, что опасность миновала, меня забрала к себе местная учительница. Из ее семьи не уцелел никто. Мама Мианна была добрая, все время кому-нибудь помогала, одной зимой даже детеныша какой-то лесной нечисти подкармливала. Пока она была жива, мы существовали вполне сносно, и самой большой моей бедой было то, что местные шарахались от меня как от чумной. Когда же я осталась одна, остро встала проблема пропитания. Хоть в школу меня не взяли, чтобы не пугала других детей, мама Мианна учила меня дома. Однако несмотря на все знания, устроиться получилось только на почту. И то мне доверялись лишь те письма, для доставки которых не требовалось входить в дом. Вечером я забирала сумку с посланиями к себе, а перед рассветом проходила по улицам и раскидывала послания по деревянным ящикам у домов.

Нашлась и еще одна работа. В конце лета, когда приходила лихорадка, мне доверяли ухаживать за больными, потому что болезнь меня больше не трогала. Арина забегала в лечебницу, оставляла снадобья и распоряжения, что, кому и сколько, и тут же спешила убежать, я же сутками могла находиться среди больных — и ничего. За это платили хорошо, но зараза через две недели уходила, иногда уносила с собой чью-нибудь жизнь. А после всякий раз меня начинали сторониться еще больше.

Следов на лицах даже у самых тяжелых больных больше не появлялось. Иногда это отзывалось глухой досадой в душе, и так хотелось, чтобы кто-то из перешептывающихся за моей спиной тоже побывал в моей шкуре, пусть ненадолго, двух недель бы хватило вполне... Но я одергивала себя и спешила получить честно заработанное вознаграждение. Если везло и болел кто-нибудь из семей побогаче, эти деньги вполне позволяли сносно протянуть зиму.

— Странно, как ее еще на костре не спалили, — ворвался в мысли голос одного из наемников. — По лицу видно, что черной магией промышляет.

Я чуть не икнула с перепугу. Вот только обвинений в запрещенном колдовстве и не хватало! Мне и обычное-то не под силу.

— Пытались, но я плохо горю, — ответила едко, а в душе порадовалась, что местным не пришло в голову обвинить меня в чем-то таком. А может, все дело в том, что я нужна им каждый год во время очередного наступления хвори?

Определиться на этот счет не успела, тропа круто повернула, и перед глазами выросла громада старинного особняка. Когда-то Черный Лес и еще несколько деревень округи входили во владения какого-то вельможи. Но, по-видимому, прибыли они не приносили, поскольку никого из знати тут десятилетиями не появлялось. И вот, нате, пожаловал наследничек!

Ввели меня через дверь для слуг. Потом по узкому темному коридору к тяжелой дубовой двери, за которой отыскалась лестница, уходящая в подвал. Где-то рядом находилась кухня, и в коридоре витали такие запахи, что я едва устояла на ногах и дальнейшего пути почти не воспринимала.

Только оказавшись в комнатке, которая одновременно напоминала чулан и темницу,

очнулась, тяжело сглотнула, мазнула взглядом по сторонам. Каменная кладка, земляной пол, железная дверь с маленьким зарешеченным окошком, за которой уже стихали шаги и гогот наемников. Еще пыльный тюфяк и столик, шаткий, потому что одна из четырех ножек сломана. На столике горела лучина, совсем слегка разбавляя непроглядный мрак.

В этот раз они подготовились.

Обхватив себя руками за плечи, я так и осталась стоять посреди узкого помещения.

Угораздило же на ровном месте вляпаться!

Самое обидное, что я до сих пор не понимаю, с чего они ко мне прицепились. Письма разнесла, с начальницей из-за жалованья немного поцапалась, возвращаюсь домой — а у калитки эти поджидают. Утром за мной только двоих парней отправили и без псов. Молодые почему-то всегда самые противные, вот и эти с ходу начали обзывать, руки заламывать, все про какое-то письмо и какую-то тетку спрашивали. И про сокровища, кажется.

Смешно даже! Ну откуда у меня сокровища?! Я ведь даже на нормальное платье денег наскрести не могу, а сапожки, как у госпожи ведьмы, вообще несбыточная мечта!

И писем писать мне некому...

Жалеть себя или все-таки посмеяться над ситуацией, так и не решила. За дверь послышались новые шаги.

Напряглась и инстинктивно отступила вглубь темницы.

Может быть, сейчас недоразумение прояснится и меня отпустят?

В удачу верилось с трудом, покровители никогда не бывали ко мне столь добры.

Противно проскрежетал засов. Я поежилась. Что-то холодно стало... Дверь со скрипом отворилась, являя посетителей. Нетерпеливые какие! Могли бы и подождать, пока я тут поддамся панике. Не то чтобы мне нравился этот вариант, но сама я, будучи на их месте, выбрала бы его.

Минуту меня разглядывали и оценивали. Со своей стороны я, кусая губы и отступая все дальше, пока свободное пространство не закончилось, делала то же самое. Посетителей было всего трое. Ближе всех стоял мужчина лет тридцати пяти, с умным лицом, которое немного портили разве что непропорционально маленькие глаза — впрочем, мне ли судить о лицах? Рыжие колечки волос были зачесаны назад так, что ни один волос не выбивался из прически. Костюм на нем был дорогой, бархатный, с золотистой отделкой, а перевязь сделана из мягкой кожи. Правда, сидело все это слишком плотно, что свидетельствовало о том, что господин Ффруа, а это наверняка был именно он, недавно немного прибавил в весе.

За спиной хозяина маячил затянутый в кожу медведеподобный тип с бритым наголо черепом. В одной руке он держал факел, а второй любовно поглаживал висящий на поясе нож. И почти полностью заслонял миниатюрную рыжеволосую девушку в таком умопомрачительном платье, что даже госпоже ведьме не снилось.

Я как раз мысленно пришла к выводу, что наряд достоин самой королевы, когда господин Ффруа заговорил:

— Вынужден принести извинения за своих людей, они неотесанны и грубы. — Слова подкрепляла обаятельная улыбка, одновременно с которой возле глаз богача возникли лучики-морщинки.

Признаться, я ждала услышать что угодно, от оскорблений до странных вопросов, но только не это. А потому малость растерялась и выдала первое, что на ум пришло:

— Что, и домой отпустите?

— Не все сразу. Попробуем договориться, — сверкнул глазами господин Ффруа. — Как

тебя зовут, девушка?

О... Он это серьезно?!

— Михаэлла.

— Надо говорить «Михалена, господин», — твякнула из-за плеча огромного охранника рыжая девица, которая сразу перестала казаться мне такой уж красивой.

И ведь знала, что она нарочно исковеркала мое имя, а все равно зачем-то поправила:

— Не Михалена, а Михаэлла.

— Нахалка, — сморщила тонкий носик рыжая.

Но тот, кого предлагалось величать господином, только развеселился.

— А я — Джереми Ффруа. Девять лет уже хозяин этого дома и трех окрестных деревень, — представился он, потом повернулся к рыжей и скомандовал: — Беата, сестренка, поднимись наверх, распорядись насчет обеда и организуй мне стул.

И когда обладательница невероятного платья попробовала снова открыть рот, он продемонстрировал, что умеет быть не только обаятельным, но и жестким:

— Живо и без возражений!

— Как тебе будет угодно, брат, — ядовито прошипела она и унеслась прочь.

Внимание господина Ффруа вернулось ко мне. Он шагнул ближе, осторожно протянул руку и сдвинул с лица платок. Но вместо обидных слов, которые я уже приготовилась услышать, лишь сочувственно вздохнул.

— Трудно, наверное, с этим живетесь?

Подсохшие язвы покрывали лоб, нос, правую щеку и почти весь подбородок. Большую часть времени они не беспокоили, но в жару начинали жутко чесаться. В остальном же вели себя примерно как угри, с той лишь разницей, что никогда не проходили.

— Я привыкла.

А вот жаловаться и вообще обсуждать это с кем-либо — не привыкла и сейчас чувствовала себя как рыцарь из детской сказки, если бы перед боем с шестиглавым змеем с него сняли все доспехи. Беззащитной.

— Зачем я здесь? — попыталась спастись от неприятной темы.

Господину Ффруа как раз принесли стул.

Джереми опустил на него, кивнул и задумчиво начал:

— Тебе знакома некая Аделина Бернежка?

Прямо так и почувствовала, как расширяются мои глаза.

— Нет. А кто это?

— А Марта Ритара? — Отвечать вопросом на вопрос, вообще-то, невежливо!

— Это моя родная мама, — нехотя подтвердила я. — Она давно умерла. Но при чем здесь она?

Сомневалась, объяснят ли, все же не такого я важного полета птица, но господин Ффруа снисходительно улыбнулся и пустился в разъяснения:

— Насколько знаю, эта Марта была помощницей лекаря и одно время работала на острове, куда ссылают преступников, приговоренных к пожизненной каторге. — Начало истории казалось захватывающим. — По проверенным сведениям, одна из заключенных сообщила ей, где находится весьма ценная вещь.

— Звучит как сказка, — пробормотала я, не зная, куда себя деть: тюфяк был слишком пыльный, но стоять ноги уже устали, и в груди до сих пор ощущалась тупая боль.

Нет, правда! Остров, каторга, какие-то ценности... Мой мир всю жизнь ограничивался

Черным Лесом, а в последние годы еще и крайней бедностью. Теперь его границы размылись, мир стремительно стал расширяться, и от этого шла кругом голова.

— Две недели назад Аделина сбежала, — не обращая на меня внимания, продолжал господин Ффруа. — Нам удалось перехватить ее письмо Марте. Она собирается явиться за своим.

Перехватить письмо? Кажется, теперь понимаю, по чьей милости я жалованье не могу получить... Мьярина наверняка подумала, что у меня неприятности, и решила не торопиться. Глядишь, потом и не придется расставаться с деньгами.

— Я-то тут при чем? — спросила тоскливо.

— Отдай мне ларец и все остальное. — Джереми Ффруа подался вперед и сверкнул глазами. — Я выпущу тебя, заплачу и избавлю от встречи с Аделиной.

Обаяние этого человека постепенно переставало действовать на меня. Все чувства разом вопили об опасности. Что-то подсказывало, что дружелюбный и обходительный Джереми может оказаться куда неприятнее его грубой сестры.

— Говорю же, у меня ничего нет!

— Конечно, есть!

Мы обменялись решительными взглядами.

— Стала бы я прозябать в нищете, если бы у меня где-то были припрятаны сокровища? — Я решила воззвать к его здравому смыслу.

— Разумеется. — Здравый смысл у господина Ффруа оказался какой-то неправильный. — Все равно тут драгоценности не продать. А если Марта успела рассказать тебе о них, ты бы даже думать об этом не стала. Слишком много народу это ищет.

— Зачем иметь кучу денег, если ими не пользоваться?! — Меня стала разбирать злость.

Глаза Ффруа победно сверкнули.

— Рад, что ты это понимаешь. Ну что, давай договариваться?

Я мысленно взвыла. Ведь нормально же жили! Сборщик податей иногда наглед, лихорадка раз в год навевывалась, я хорошую работу получить не могла, — но в остальном нормально. И принесло же этих Ффруа на мою голову!

— Нет у меня вашего ларца! В первый раз о нем слышу!

— Вот упрямая уродка! — Он наконец показал свое истинное лицо, но меня, едва ли не в первый раз в жизни, оскорбление совершенно не тронуло.

Пусть я на лицо уродлива, зато он на всю голову и на совесть!

— Кому еще, кроме тебя, мать могла сказать? — уже не утруждаясь тем, чтобы держать себя в руках, шипел новый хозяин наших земель.

— Понятия не имею, мне было четыре года, когда она умерла!

Расскажи мне что родная мама, я в том возрасте все равно бы не запомнила. Но, видимо, понимание этой простой истины было выше сил нашего хозяина, потому что он с полной уверенностью заявил:

— Ты опять лжешь.

— Почему — опять? — опешила я.

— Что, так привыкла, что за собой уже и не замечаешь?

Молчу. Перевариваю. Может, он правда чокнутый?

Видимо, молчание мое было красноречиво, потому что Ффруа, не скрывая отвращения, пояснил:

— Зачем ходить в лохмотьях, когда тебе принадлежит целый дом и ты каждый месяц

получаешь с трех семей арендную плату? — Омерзение в его голосе и на лице мешалось с искренним недоумением. — Глупо было плести про крайнюю бедность. Первым делом, как только приехал в Черный Лес, я встретился с управляющим и навел о тебе справки. Он собирает с жильцов деньги, это ему еще Марта поручила, и передает их тебе. Так что не притворяйся нищенкой, не поверю. Испорченной мордашке еще мог бы посочувствовать, но твое вранье и упрямство отбило всякое желание. Ну же, Михаэлла, скажи, где ларец, иначе я разозлюсь!

Ну конечно, моя одежда похожа на лохмотья! Меня сначала по лесу гоняли, потом я на грязной крыше отлеживалась, потом с нее же летела, ползала по земле и еще несколько раз падала, когда его наемники вели меня сюда. А теперь этому хлыщу, видите ли, платье мое не нравится!

И тут в голове будто перемкнуло. Гневные мысли разом исчезли, в сознании установилась звенящая тишина, которую скоро заполнили вполне здравые размышления.

Выходит, по документам мне принадлежит дом, который еще мама купила? И у простой помощницы лекаря откуда-то были деньги на целый дом? А, неважно. Главное здесь то, что я все эти годы вполне могла жить нормально и не переживать, как бы купить новое платье взамен заношенного до дыр и при этом не голодать.

Знала, конечно, что наш управляющий — жадный и подлый, но чтобы обобрать покалеченную сироту... это даже для него как-то слишком. А я ведь благодарна ему была, когда он работу мне давал, деньгам тем радовалась. А теперь оказывается, это были жалкие подачки. Но старый негодяй и этим не ограничился, рассказал про меня новому хозяину, преподнес свою версию событий. Конечно, ему-то выгодно от меня избавиться, тогда я точно про мамино наследство не узнаю и не смогу на него претендовать!

Поверят уважаемому управляющему, а не мне, смысла оправдываться нет. Поняла это и окончательно заскучала.

— Ну так что, будем говорить? — снисходительно уточнил Ффруа.

Молчу. Я уже все сказала. Не моя вина, что меня не пожелали услышать.

Наверняка в том ларце что-то важное, раз его так все ищут...

— Значит, не хочешь по-хорошему? — Джереми Ффруа вновь сорвался на шипение. — Ты понятия не имеешь, с кем связываешься! Я сгною тебя в этом подвале! Будешь сидеть тут без еды и воды! Прикажу сломать тебе пальцы, один за одним...

И ведь он и правда может все это проделать. Я втянула голову в плечи, но душевных сил не хватило ни чтобы заплакать, ни чтобы воззвать к покровителям. А может, все дело в том, что ни то ни другое никогда не срабатывало?

Глаза господина Ффруа загорелись каким-то предвкушающим огнем. Меня затопило бессильное осознание: мучить все-таки будут. Я была как никогда близка к грани, какой-то внутренней черте.

— Это должно развязать ей язык, — прошипел мой мучитель. — Орн, принеси щипцы.

Из моего горла вырвался сухой судорожный всхлип. Но никто из присутствующих не расслышал этого звука, потому что в тот же момент где-то над нами пронзительно заорала какая-то женщина.

Вот во мне нет магических сил... Интересно, если, умирая, я прокляну этих мерзавцев, им хоть что-нибудь будет?

Гулкая тишина висела, кажется, над всем домом целую минуту. Будто даже не дышал никто. Мужчины подозрительно уставились на укутанный мраком коридор, тянувшийся к

лестнице, но ничего не происходило.

Орн отмер первый, очевидно, вспомнив про поручение хозяина и торопясь его выполнить. Он повернулся к креплению на стене, чтобы поместить в него факел...

Никто из нас ничего не видел, и вряд ли кто-то хоть что-то успел понять. Но порыв промозглого воздуха точно ощутили все. Блекло-оранжевое с проблесками синего пламя, окутывавшее верхний конец факела, сильно затрепетало и погасло. Орн грубо ругнулся. Один вздох. Узкое темное пространство озарила белая вспышка, похожая на молнию. И я увидела, как на стены летят кровавые брызги, а медведеподобный слуга господина Ффруа, хрипя, оседает на земляной пол.

Потом глазам стало больно, и происходящее на некоторое время скрыла пелена набежавших слез. Когда же удалось ее сморгнуть, Ффруа лежал на полу лицом вниз, а рядом с ним, заинтересованно оглядываясь по сторонам, будто силясь понять, где находится, стоял уже знакомый мне по подсмотренному ритуалу беловолосый тип. Он так и не озаботился разжиться хоть какой-нибудь одеждой.

Я думала, что научилась безразлично относиться к смерти.

Иногда даже считала ее избавлением. В самые тяжелые минуты.

Но сейчас, оказавшись на краю, ощутила не то что страх, самый настоящий ужас. Пожалуй, я бы даже от так и не обретенных денег снова отказалась и простила бы все мерзкому вору, лишь бы только сейчас выжить. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Я стану добрее! И перестану мечтать о ведьминых красных сапожках!!!

Путаные панические мысли и испуг несколько не мешали мне пятиться, пока не уткнулась спиной в стену.

Этих он убил быстро... Орна точно. Надеюсь, мне хотя бы не будет больно.

— Что застыла, пошли отсюда, — скомандовал беловолосый, схватил меня за руку и потащил к выходу. — Шевелись! Лучше убраться, пока эти курицы из кухни не очухались.

Как вышли из дома, в памяти моей не отложилось вообще. Соображать что-то начала в лесу, когда мы снова огибали селение, только на этот раз с другой стороны.

Сразу же дернула плечом, высвобождая руку. Беловолосый тут же отпустил. Впрочем, я так и продолжала следовать за ним, попросту не зная, как теперь быть.

Он все еще здесь.

И убил Ффрау и его слугу. Как минимум. Покровители! Худощавый мужчина с изящными руками, будто никогда не видевшими работы, легко и просто в считанные мгновения справился с двумя здоровыми мужиками! Это заставило присмотреться к нему внимательнее. Смущения почти не было, в лечебнице я чего только не перевидала, просто странно было, что он вот так запросто расхаживает нагишом, хоть и по лесу. В дом ворвался в таком же виде. И, судя по всему, отнюдь не испытывал по данному поводу никаких терзаний. Наши, деревенские-то, стыдливые, их даже на приеме у лекаря приходится уговаривать раздеться, и то всегда оставляют исподнее, и даже взрослые мужчины отчаянно краснеют.

Результат осмотра яснее ситуацию не сделал: кое-где под бледной кожей просматривались мышцы, что свидетельствовало о том, что мой спутник не увлекается обжорством и худо-бедно поддерживает себя в форме... уж не знаю, что для этого делают аристократы... но на война он все равно не походил.

Страхов в этот день было уже достаточно, и все же в моей душе хватило места еще для одного. Никто ведь не знает про наколдованного мужчину, возникшего из цветка! Сомневаюсь, что госпожа ведьма призналась в преступном ритуале. И теперь в доме два мертвеца, а я сбежала... Вдруг подумают на меня?!

Ноги так и подогнулись.

Словно почувствовав, что я не иду, спутник тут же остановился и оглянулся.

— Что ты сделал с женщинами в доме? — спросила напряженно, поправляя платок.

Чувствую себя увереннее, когда лица не видно.

— Запер в кухне, — пояснил мужчина так спокойно, будто не видел в случившемся ничего особенного. — А хозяйку закрыл в кладовке, она так противно визжала, что у меня чуть голова не разболелась.

Фу-ты, какие мы нежные!

Хоть не убил больше никого, и на том спасибо.

— Почему у тебя ожог на щеке? — Его я успела заметить, пока переваривала новые сведения.

— Когда тебя увели, ведьма очнулась.

Если он думает, что сейчас что-то объяснил, то глубоко заблуждается. Но мне в голову уже пришел вопрос поважнее, так что о госпоже Арине я временно забыла. Да и глупо заботиться о сохранности того, кто почти наверняка захочет осложнить тебе жизнь.

— А меня ты почему спас? — В людское бескорыстие я не верила довольно давно. — Нет, ты не подумай, я благодарна, очень-очень, просто ничего не понимаю...

— Ты мне нужна.

И опять ну очень понятно!

— А зачем?

Наколдованный защитник как-то странно оглядел меня, шумно вздохнул, зябко поежился и обхватил себя за плечи руками.

— Слушай, как насчет поговорить в более комфортном и теплом месте?

Ему холодно, что ли? Оно и неудивительно, лето уже почти вошло в свои права, но по вечерам до сих пор прохладно, а сейчас за кромкой леса уже виднелись подступающие сумерки.

Я кивнула.

За что тут же и поплатилась: меня сцапали за руку и снова потащили вперед.

Но идти молча не получилось, шаге на десятом в голову пришел очередной очень важный вопрос:

— А куда мы идем?

Спутник глянул так, будто вот прямо сейчас боролся с желанием прибить одну не в меру разговорчивую особу.

— К тебе, конечно, — все же соизволил сообщить он. — Кстати, где ты живешь?

Изумление заставило меня опять остановиться, к вящему неудовольствию беловолосого. Видать, я ему и правда зачем-то очень нужна, раз он так старательно сдерживается. Но это мало утешало.

— К-ко мне? — переспросила тоненьким, будто чужим голоском.

— У меня тут жилища нет, поэтому к тебе. — Суждения наколдованного выглядели логично и в то же время как-то неправильно.

Прислушавшись к себе, я довольно быстро смогла понять, что именно мне не нравится в них больше всего.

— Нельзя ко мне. После того что ты устроил в доме Ффруа, нас будут искать.

Меня. Скорее всего, меня одну. Но говорить этого ему не стану, а то еще бросит самостоятельно расхлебывать все неприятности! А в них частично есть и его вина. Большой частью.

Беловолосый довольно долго раздумывал, после чего уверенно покачал головой.

— Что-то мне подсказывает, что не будут. — А вот это заявление показалось мне весьма странным. — Но если придут, выкрутимся. Я обещаю.

Видела я, как он выкручивается. Стоит представить — кровь в жилах стынет. Не нравится мне все это.

— Ну, не знаю...

— Есть предложения лучше? — Он держался так спокойно, будто вообще не способен испытывать эмоции, а недавно замеченное недовольство на его лице — лишь плод моего воображения.

— Нет, — призналась честно.

— Тогда идем. — Он снова потянул меня за руку. — Тебе надо умыться и... не знаю, что еще. А мне надо подумать.

Станный он все-таки. Хотя каким ему еще быть, учитывая способ его появления. Интересно, он появился откуда-то или просто появился?

Так и не придя к внутреннему согласию, я покорно поплелась к дому, заодно указывая направление. Когда вошли в селение, еще по сторонам глядеть стала, не хотелось, чтобы мой странный спутник попался кому-нибудь на глаза. Но народу на улице прямо сейчас не было ни души, а мой дом крайний, следующие два — бесхозные развалюхи, так что и из окна нас видеть никто не мог.

— Сюда? — с легкой тенью отвращения уточнил беловолосый, когда я направилась к незапертой калитке.

Понять его было можно. Домик маленький, ни за что не скажешь, что когда-то в нем жила семья из четырех человек. И стены его когда-то были выкрашены в красивый голубой цвет, но было это давно, еще при жизни мужа мамы Мианны. Последние же пятнадцать лет дом обходился без мужских рук. За это время краска облупилась, фигурка с крыши отвалилась, я уж и не вспомню, что там было, ставни покосились, да и само здание заметно просело. Но денег на то, чтобы привести тут все в порядок, даже при маме не было, так и жили. Нам терпимо, а соседи если и шпыняли, то из-за моего уродства, дом на фоне его мерк. В общем, чувства своего гостя я примерно понимала, но все равно в глубине души стало обидно. А все старый скряга Ритхель виноват! Мама Мианна наверняка даже не знала, что мне что-то причитается.

— Не нравится, можешь оставаться на улице! — прошипела я, а сама настойчиво втолкнула его в скудный дворик.

Заметят еще, объясняйся потом, что это за голый мужик у моего дома вертится!

Нагнувшись, я достала ключ из-под крыльца и отперла дверь. Пропустила вперед гостя, а сама еще на мгновение задержалась, присмотрелась, прислушалась, удостоверилась, что по нашу душу никто не спешит, и тоже вошла. Сразу же опустила щеколду и зажгла лучину. Толстых ароматных свечей и тем более магических светильников в доме не водилось.

— Будешь морщить нос, выгоню, — пригрозила не очень-то правдоподобно и бросила беловолосому шерстяное одеяло.

Тот с легкостью поймал и сразу же закутался.

— Колючее, — пожаловался минуте спустя.

— Зато теплое, — правильно расставила акценты я.

— Угу. — Наколдованный украдкой почесал плечо, но смирился с судьбой легко, что внушало определенную надежду — может, мы и поладим. С любопытством оглядев скромную обстановку, он в очередной раз поставил меня в тупик: — Мне чего-то хочется...

— Мечтаешь, чтобы я угадала? — уточнила настороженно и устроилась на стуле, поближе к полке с тяжелыми статуэтками, изображающими покровителей. Мало ли что...

— Прости, я еще плохо соображаю и с телом не до конца освоился. — Он даже на извиняющуюся улыбку сподобился, что не убавило жути от сказанного им. — Дай мне пару часов.

Странное требование можно было исполнить. Мне и самой хотелось умыться, вылезти из грязного изодранного платья и осмотреть себя на предмет повреждений. Еще немного передохнуть и что-нибудь съесть. Но есть ли у нас эти часы? Вдруг вот-вот сюда вломятся? Впервые в жизни я чувствовала себя не в безопасности в собственном доме. И почему мой неожиданный заступник так уверен, что никто не придет? Думает, его побоятся?

Решив, что в подвешенном состоянии два часа точно не продержусь, я встала и из-под платка сверкнула на гостя упрямым взглядом.

— Нет уж, сначала объяснись! Кто ты?

Гость раздумывал мгновение, а затем начал перечислять:

— Мужчина. Аристократ. Примерно двадцати пяти или тридцати лет от роду. Волосы светлые, длинные. Глаза тоже светлые. Кожа бледная. Телосложение худощавое, ступни и ладони небольшие. Голос приятный. Умен, грациозен, обучен светским премудростям, как то: танцы и этикет. Люблю лошадей и собак. Не воин, но постоять за себя способен.

Угу, видела я, на что ты способен.

Но что он несет? Как будто юная девица перед гаданием в Ночь покровителей рассказывает, какого суженого ей хотелось бы получить от судьбы.

В глубинах души неприятно заворочался червячок сомнений, но я сперва решила рассмотреть более логичный вариант:

— Блаженный?

Гость целую минуту раздумывал:

— Вроде бы нет.

Предполагается, что я вот так на слово должна поверить? Если бы он не вытащил меня из очень неприятной ситуации, точно бы не поверила. А вытащил ли? Не засунул ли в нее еще глубже?

— Ладно, зайдем с другой стороны, — решила дать ему шанс я. — Что за ритуал проводила ведьма? Она тебя призвала? Откуда? Назад можно вернуть?

Кажется, он что-то сказал про свое аристократическое происхождение. В таком случае ему правда не страшны Ффрау. И меня он защитить сможет. И как знать, возможно, даже поможет вернуть наследство и наказать Ритхеля. Вот хорошо бы было!

— Не призвала, а создала, — поправил результат ведьмино ритуала, чем вдребезги разбил мои мечты.

— Живого человека из ничего?! — Я так и ахнула.

Лучше бы уж блаженный.

— Да. — Ответ оказался коротким и неутешительным.

— Но так не бывает!

— Именно. — Результат запрещенного ритуала неожиданно не стал спорить. — Поэтому я чувствую в себе как минимум две личности, спаянные в одну, а от разнообразных знаний голова, кажется, готова взорваться. Пожалуйста, дай мне немного прийти в себя.

Прозвучало так жалобно, что я невольно прониклась, даже всей душой захотела помочь. Но сделать я ничего была не способна, во всяких магических штучках совершенно не разбиралась, а потому только и могла, что разглядывать странное магическое явление в моем одеяле.

Нового ничего не увидела. Разве только ногти у него черные, и на руках, и на ногах. Жутковато выглядят. Сам же страдалец настолько глубоко погрузился в себя, что, казалось, ничего вокруг не замечал.

Ладно, если нагрянут непрошеные гости, буду громко кричать. Надеюсь, он очнется.

Прошел почти час, прежде чем я смогла немного расслабиться. Двигаясь на цыпочках, чтобы не мешать, я прошла к сундуку, взяла чистое платье и вместе с ним отправилась на кухню, не забыв задернуть плотную занавеску, служившую дверью. Здесь еще осталась вода, принесенная с утра, хватит, чтобы умыться.

Избавившись от одежды, превратившейся после бурного дня в кусок изодранной тряпки, я осторожно осмотрела и ощупала себя. Синяк на боку выглядел ужасно, от малейшего прикосновения к нему на глаза набегали слезы.

Прохладная вода не только смыла грязь, вроде бы даже и боль стала меньше ощущаться. Хотя, может, я просто начала привыкать к ней. Хотелось лечь и уснуть, а проснувшись, понять, что этого дня не было. Ведь за него произошло столько всего, чего вроде бы не могло случиться... Вот бы мне и правда привиделось!

Однако когда я влезла в чистое платье, желудок сжался вполне по-настоящему. Это

заставило вспомнить о лепешке с зеленью, припасенной на завтрак, но так и не съеденной. Она, конечно, давно остыла, и гостю половину отделить придется, но от одного только запаха я почувствовала себя чуточку счастливее.

— Есть хочешь? — Я осторожно сунулась к беловолосому, который так и сидел с отсутствующим видом.

Но при моем появлении... вернее, когда запахло едой, сразу же оживился.

— Ага. Так вот чего мне хотелось! — и жадно потянулся за своей долей.

Ужин был скудный, но от комментариев по этому поводу кое-кто воздержался. Хотя свою половину лепешки умял в минуту и время от времени поглядывал на мою, но я не изъявила готовности ее уступить, а он не стал просить. Что ж, может, мы и поладим.

— Откуда зелень? — нарушил молчание он, когда я уже доедала.

Видимо, чтобы отвлечься.

— В кухне на подоконнике вырастила, — отозвалась я и торопливо запихнула в рот последний кусочек.

Голубые с золотом зрачка глаза оглядели меня как-то странно, и их обладатель медленно произнес:

— У тебя бок сильно ушиблен. Но прости, лечить пока не рискну. Я точно не уверен, что умею это делать.

— Переживу, — отмахнулась я. Только бы наемники Ффруа не нагрянули, а остальное все неважно! — Кстати, надо имя тебе придумать, а то без него неудобно.

Мужчина наморщил лоб, но уже миг спустя уверенно покачал головой.

— Спасибо, но у меня уже есть. Тавиш.

Непривычно. Но ничего, запомнить несложно.

— А я — Михаэлла, — вспомнила, что так и не представилась.

— Красиво. — Никогда раньше даже близко применительно ко мне не говорили этого слова, и я, признаться, немного растерялась. Под платком щеки непривычно защипало. — Даже слишком красиво для простой деревенской девки.

Вторая часть похвалы прозвучала малость снисходительно, но восторг, захлестнувший меня изнутри, и смущение несколько от этого не померкли. А еще вдруг отчаянно захотелось узнать, какой бы я была, если бы меня не обезобразила болезнь. То есть, разумеется, я могла это себе вообразить, но сейчас, как никогда, захотелось хоть на миг увидеть свое лицо без уродливых следов.

— Моя родная мама была не из этих мест, — призналась, будто оправдываясь.

— Заметно, — пробормотал Тавиш, аккуратно придерживая одеяло, чтобы не сползло. А потом вдруг попросил: — Можешь снять платок?

— Зачем? — Такие просьбы у меня всегда вызывали резкое неприятие, и сейчас я инстинктивно вцепилась в свою защиту от мира. Крепко. Только ощутив легкую ломоту в пальцах, поймала себя на этом движении.

Мимика странного создания, сидящего передо мной, была не очень богата, будто бы он действительно к телу пока не привык и даже стеснялся им пользоваться, но сейчас он слабо улыбнулся. Наполовину. Одним уголком губ.

— На минутку. Пожалуйста.

Сначала хотела отказаться и уйти спать, но переборола себя. Это, наверное, на меня так подействовало его заступничество и еще то, что впервые после смерти мамы Мианны я вот так сижу с кем-то, ужинаю, разговариваю. Вот и мысли непрошенные выплыли: о том, что

было бы, если бы лицо мое не было испорчено, как Тавиш, оказавшийся знатным и влиятельным, смог бы заступиться за меня... Надо это прекращать.

И я, словно противореча чему-то невидимому, упрямо сжала губы и молча сдвинула платок назад, как если бы он был капюшоном.

Тавиш медленным изучающим взглядом прошелся по моему лицу.

— Да уж, — выдавил он через некоторое время.

— Ага...

Странная реакция. Непривычная для меня. Не было в ней ни отвращения, ни попытки обидеть, ужалить побольнее, ни даже сострадания. Он просто смотрел, как смотрят на прохожих на улице. Как на нормального человека смотрел.

Хотя чему я удивляюсь, он сам немного ненормальный!

Оправдав таким образом для себя странное поведение нового знакомого, я все равно не смогла побороть желания спрятаться и уже через минуту снова скрылась в недрах платка.

Пока мы ужинали и знакомились, вечер не просто наступил, но и плавно перетек в ночь. Я оставила в распоряжении гостя жесткий скрипучий диван и вытащила из шкафа подушку, а сама направилась в крохотную спальню, которую прежде делила с мамой Мианной, а теперь занимала одна. Опасность все еще пугала, и червячок сомнений в глубине души неприятно ворочался, но усталость была так сильна, что я согласна была упасть где угодно и немедленно уснуть.

Будь что будет...

— Не волнуйся, никто не придет. А если придет, я с ними разберусь, — словно почуяв мои мысли, заверил непонятный и немного пугающий гость.

Я не особо поверила, просто возражать не осталось сил. Это был очень долгий день.

— Надо будет завтра раздобыть тебе штаны, — пробормотала одновременно с зевком.

Скрывшись за шаткой дверью, я краткий миг жалела, что на ней нет замка, а потом прямо в одежде забралась под одеяло и мгновенно уплыла в темноту.

Утро началось внезапно. Привычка просыпаться в определенное время взяла свое.

Было еще темно, и я позволила себе минутку полежать, вспоминая, почему оказалась под одеялом в одежде и отчего чувствую себя не лучшим образом. Вспомнила. Весь вчерашний день чередой картинок промелькнул перед глазами. Совсем тоскливо стало.

Но делать нечего, письма за меня никто не разнесет, надо вставать и идти работать.

Осторожно выскальзывая из единственной в доме спальни, я старалась не шуметь, поскольку думала, что Тавиш еще спит, и не хотела его тревожить. И уж точно не ожидала застать гостя не просто бодрствующим, но сидящим за столом, притом в штанах и длинной рубаше. Ему не особенно шло, но главное — одежда была. А на столе лежали овощи, хлеб, сыр, яйца и кольцо домашней колбасы.

Э-э-э?! Может, я еще сплю? И мне снится красочный, на диво правдоподобный сон? Потому что такого съестного изобилия в моем домике еще накануне вечером точно не водилось. Я бы знала.

Желание по-детски потереть кулачками глаза подавила.

А тут и Тавиш меня заметил.

— О, рано ты. Чего стоишь, как не родная, садись, ешь и пошли отсюда.

Все же не сон. И что-то мне подсказывает, что в самое ближайшее время я еще не раз об этом пожалею.

— Мне письма разнести надо, — пробормотала я, обхватив себя за плечи — просто вдруг потребовалось куда-то деть руки.

— Забудь, — отмахнулся беловолосый результат ведьминского преступления и указал на стул.

— Что значит — забудь?! — Я искренне возмутилась, даже глазами из-под платка сверкнула. — Это моя работа. Другой мне не найти. Тебе-то что, может, ты вообще ненастоящий и завтра развеешься, а я тут с голоду умру!

Тирада бессовестного гостя не впечатлила. Вообще.

— Все сказала? — вкрадчиво уточнил он и, когда я кивнула, поделился своим видением ситуации: — Я настоящий и никуда деваться не собираюсь. Тебя не брошу, можешь не бояться. А теперь садись и ешь.

Желудок был с ним полностью согласен. У, предатель! Но половины лепешки, которую только и удалось съесть за вчерашний день, ему было как-то маловато.

— Но письма...

— Жить надоело? — вскинул тонкие светлые брови мужчина. Хм, а сегодня его лицо куда живее и эмоциональнее... — Ведьма уже наверняка восстановила силы. И Ффруа уже достаточно пришли в себя после моего визита. Не думаю, что тебя будут разыскивать официально, но все же лучше нам, пока не рассвело, убраться отсюда.

Чувство самосохранения пинком отправило меня за стол. Лучше когда-нибудь потом умереть от голода, чем прямо сейчас — от пыток. И вообще, почему он говорит о Ффруа во множественном числе? Там же одна Беата осталась. Или у них есть еще родственники? Сколько ни ломала голову, ничего о хозяевах земель вспомнить так и не смогла. Впрочем, очень быстро у меня в голове, а потом и на языке возник иной вопрос:

— А откуда вся эта еда? И твоя одежда?

Лицо Тавиша озарила такая довольная улыбка, будто ему вот прямо сейчас как минимум орден вручали.

— Не назвал бы эти тряпки одеждой, но, согласись, у тебя есть повод для восхищения.

Он отхватил себе половину колбасы, отломал хлеба и принялся жадно это все уминать, что нисколько не мешало ему ждать моей реакции. Вполне определенной реакции.

— Откуда? — переспросила с нажимом.

Внутри неприятно ворочался целый клубок сомнений, но я не хотела им верить.

— На соседней улице есть дом из красного кирпича, — скрывать своих подвигов эта жертва запрещенной магии не собиралась. — Я залез к ним на летнюю кухню. Ну и пару тряпок из тех, что на заднем дворе сушились, взял.

— То есть ты это украл?! — Я пришла в ужас.

Покровители, ну как я сразу не узнала эти штаны! В них зять купца Валея на охоту ходил, я из окна видела. И назад возвращался с несколькими зайцами. Они хорошо живут, везучие, что в делах, что в карты или на той же охоте, и из-за украденных продуктов не обеднеют, но все равно противно. И угораздило же связаться на свою голову!

А еще страшно: это же получается, он ночью уходил, я одна оставалась — что, если бы за это время ведьма или наемники Ффруа нагрянули?

— Взял, — назвал это так, как сам понимал, Тавиш.

Захотелось его стукнуть оставшейся колбасой по лбу.

— Украл! — рявкнула я. — Ты хоть знаешь, что за это розгами секут, а если повторно поймают, сажают в тюрьму?!

— Ну и как, многих посадили? — равнодушно уточнил мой кошмар.

Ответом ему стало насупленное молчание.

На самом деле, нет. Своей тюрьмы в селении не было, только старый сруб, похожий на сарай, при патруле. Там на пару суток запирали особенно буйных дебоширов. А мальчишек, которых постоянно ловили у торговых рядов, чаще сдавали родителям, всего пару раз на моей памяти кого-то действительно били.

— Меня не поймали, — оправдываться у Тавиша получалось из рук вон плохо. — И посмотрю я на того, кто рискнет со мной связаться.

Молчу. А живот предательски сжимается, что почти больно.

Ну за что мне все это?!

— Михаэлла, ну не будь такой букой, — не мог уговориться этот ворюга. — В следующий раз и тебе что-нибудь прихвачу.

— Что-о?! — ахнула я. — Да я иголки никогда чужой не взяла!

— Потому и прозябаешь в нищете, — парировал наколдованный. — Ешь уже. Ты же сама вчера сказала, что мне нужна одежда. Денег на нее у тебя нет, ты себе нормальное платье купить не можешь. Ну и где бы ты ее раздобыла?

Наверняка в «рецепте приготовления» беловолосого мужчины аристократической наружности совесть не значилась.

Сначала я не собиралась притрагиваться к украденной еде. Ни за что! Но Тавиш так аппетитно жевал, а мой собственный желудок отчаянно требовал его накормить, что здравый смысл взял верх. Будет лучше, если после нашего ухода продуктов тут не останется. И вообще, я ничего не крада, просто помогаю избавиться от всего этого. А муки совести куда удобнее терпеть сытой.

И, игнорируя понимающую улыбку напротив, я потянулась к хлебу и сыру.

— Есть идеи, где можно спрятаться ненадолго? — деловито спросил этот неутомонный, когда еды на столе почти не осталось.

Понятное дело, селения он не знает, так что с местом определяться мне. Первым в голову отчего-то пришел неизвестный дом, который, оказывается, принадлежал мне по праву, но эту мысль я сразу же прогнала. Понятия не имею, который. Не у Ритхеля же спрашивать! Дальше думала уже целенаправленно... и довольно быстро достигла вполне удовлетворительного результата.

— На болотах есть домики. Пойдем в дальний.

— Туда точно никто не сунется? — уточнил Тавиш.

— До самой осени, когда сезон охоты на койрна начнется. Это местная нечисть, мясо несъедобное, но мех ценный и яд на лекарства сцеживают, — с полной уверенностью пояснила я, поднимаясь из-за стола.

Тавиш сразу же последовал моему примеру.

Светать уже начало, и лучше бы нам поскорее убраться как можно дальше отсюда.

Когда беловолосый сотворитель проблем извлек из-под стола сумку с продуктами, я даже злиться не стала. Только закатила глаза и помогла сложить внутрь то, что мы не съели. А про себя подумала, что в таком размере кража точно не останется незамеченной. И на молодежь, которая по вечерам собирается на улицах, тоже не спишут. Они если и таскали что, то не так много.

— Не воруи больше, — все-таки попросила, пока запирала дверь и прятала ключ в привычном месте под крыльцом.

— Обещать не могу, — безмятежно отозвался наколдованный, поправляя полотняную торбу на плече.

Я бросила прощальный взгляд на дом, долгие годы бывший мне родным, и уверенно зашагала к лесу. Покидать его было не жалко, жалко было оставленных здесь воспоминаний. В груди поселилось волнующее тянущее чувство, будто оставляю что-то важное позади. Что-то такое, к чему уже никогда не вернусь.

Пришлось углубиться в лес, чтобы обогнуть село и при этом точно остаться никем не замеченными.

— Странно, что нас еще накануне вечером не схватили. — Мне никогда в жизни так страшно не было, и этот страх требовал выхода.

— Поверь, после встречи со мной и ведьме, и Ффруа понадобится много смелости и тщательная подготовка, чтобы захотеть рискнуть во второй раз. — Тонкие губы на миг сложились в жутковатую улыбку. — По правде сказать, я не уверен, что они сунутся к тебе в ближайшие дни. Но лучше перестраховаться.

Что же такое сотворила Арина? Он разумный, сильный... опасный и пугающий! Вот уж не думала, что она настолько одаренная. Помнится, лет семь назад, когда на погосте мертвые объявилось, она сама еле ноги унесла, пришлось скидываться и вызывать мага из города. Но тогда Арина моложе была... Почему мне знать, может, у ведьм дар с возрастом крепнет?

Но неужели она не оставила себе какого-нибудь способа контролировать опасное создание? Я бы на ее месте точно оставила, и понадежнее.

Соблазн позволить беловолосому, которого, по идее, вообще не должно существовать, утонуть в болотах, честно признаюсь, имелся, но я довольно быстро переборола его. Что бы там ни было, он мне жизнь спас. И без него мне не выпутаться.

— Возьми меня за руку и старайся идти след в след, — предупредила спутника и подала ладонь. — Ступишь мимо тропы — тебя тут же начнет затягивать, а у меня сил вытащить не хватит.

Тавиш хмыкнул, будто каким-то образом подглядел мои недавние мысли, но просить дважды его не пришлось.

Дорогу я помнила хорошо и все равно дважды едва не оступилась. Оба раза наколдованный удержал. Сам же Тавиш двигался так уверенно, будто это он, а не я тут не раз ходил и в провожатых совсем не нуждался. Признаться, это раздражало. Одно дело чувствовать себя полноправным участником действий, хоть и вовлеченным в них не совсем по своей воле, и совсем другое — быть чуть ли не обузой. Неприятно. И страшно. Вдруг странному беловолосому надоест со мной возиться и он мне шею свернет, а потом потихому скинет в болото, и поминай как звали. Впрочем, вряд ли многие припомнят эту малозначительную деталь.

Такой поворот не казался чем-то невероятным. Если украсть для него нормально, кто знает, что он думает о лишении жизни другого разумного существа? Помнится, после посещения дома Ффруа мук совести он не испытывал. Только есть хотел и подумать.

— Ты хорошо знаешь места, — отметил спутник, словно почувствовав, что меня пора отвлечь.

И, поразмыслив миг, я решила, что не прочь отвлечься.

— В детстве старый Алит брал меня с собой на охоту. Он приходился то ли дядей, то ли еще каким-то родственником маме Мианне и ко мне относился хорошо. — Я поддержала

разговор, тщательно следя за тем, куда наступают. — А потом уже одна сюда бегала, когда соседские дети сильно доставали.

— Тебя не приняли, — прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос.

Странно, но воспоминание о том, как изуродованную болезнью девочку не брали в игры, закидывали камнями и с улюлюканьем норовили загнать или в дом, или в лес, не отозвалось привычным уже едким чувством внутри. Прохладная ладонь служила неплохой опорой не только на едва различимой в траве тропе, но и в неожиданно ставшем зыбким, как болото, мире.

— Тогда, пятнадцать лет назад, от лихорадки половина села вымерла, а я осталась жива. Думаю, мне этого так и не простили. — После короткого раздумья я произнесла то, что, наверное, всегда знала, но никогда прежде не решалась сказать даже себе.

— Тебе не место здесь, — с неожиданной твердостью заявил живой результат нарушения магических законов и сжал мои пальцы крепче.

Хотела спросить, где же, по его мнению, мне следует быть, но с языка сорвалось другое:

— Ай!

— Что? — Опомнись не успела, как одной рукой Тавиш резко прижал меня к себе, обхватив за плечи, а вторую выбросил вперед — ее тут же окутал холодный белый свет, точь-в-точь как я видела в доме Ффруа, а короткие черные ногти прямо на глазах стали отрастать и заостряться.

Потребовалась минута, чтобы восстановить дыхание. Чуть не придушил, злодеюка!

Но как защищать меня ринулся... прямо приятно!

— Я ногу порезала, — объяснила свой вскрик, как только голос снова стал послушным. — Тут трава острая.

Выходя из комнаты, я ведь письма разносить шла, а не на болотах прятаться, вот чулки и не надела. Поздняя весна на дворе, даже ночами уже сильно не замерзнешь.

Рука, обнимавшая меня, мгновенно исчезла.

— Не могла бы ты впредь контролировать свои эмоции? — Тавиш не сдержал раздражения. — А то у меня...

И замолчал.

— Что у тебя? — Не то чтобы я любопытная, но мне с ним под одной крышей несколько дней провести предстоит. Хорошо бы знать, с чем имею дело, чтобы нечаянно не нарваться.

— Магия нестабильная, — буркнул внезапно утративший разговорчивость беловолосый.

Прозвучало как ложь или отговорка, что нисколько не помешало мне изумиться:

— Ма-агия?!

— Ты еще на весь лес проори, а лучше в село вернись и объявление на новостном столбе повесь, — одернул меня Тавиш, ставший вдруг угрюмым и недовольным.

Что ему не так? Косой взгляд, брошенный на спутника, причин его испортившегося настроения не выявил, зато меня деликатно подтолкнули в спину, призывая не стоять на месте и двигаться дальше. Делать нечего, пришлось перебирать ногами. Подумаешь, цаца какая! Между прочим, это у меня нога болит и в туфле от крови мокро. Подол наверняка измазала, а другого платья нет, переодеться, чтобы это выстирать, не во что. По всему выходит, что это мне злиться надо на весь свет и на ситуацию в отдельности. Но я вдыхала не особенно приятный прелый болотный воздух и совершенно не к месту думала о том, что никогда еще со мной в считанные дни не происходило столько всего сразу. Ну, в сознательном возрасте. А Тавиш брел следом, время от времени недовольно сопел... но ловко подхватывал,

когда я поскользнулась. Правда, сдерживался не всегда и иногда отпускал обидные замечания, но упасть же не давал!

Магия... В наших местах она только у Арины была, еще у покойной бабки ее. Некоторые местные старухи тоже баловались, но у них ничего по-настоящему не получалось. Теперь вот еще Тавиш есть... И то, что он творит, не идет ни в какое сравнение с заговорами и простенькими ритуалами, которые практиковала наша ведьма. Получается, он сильнее? Как маг из города? Хотя ритуал с лилией простеньким и безобидным не был...

— Так понимаю, пришли, — выдернул меня из задумчивости голос магического создания, которое топало за спиной.

Вздрыгнула, моргнула, обзрела полуразвалившуюся избушку.

— А... Да.

— Так бы сразу и призналась, что у тебя неестественная тяга к готовым вот-вот развалиться домам, — проворчал крайне недовольный Тавиш, подозрительно поглядывая на покосившуюся избушку, по сравнению с которой даже мой дом казался вполне приличным.

Я почувствовала почти незнакомый жар под кожей на лице и шее. Стыд.

Пф! Он что же, ожидал найти на болотах терем расписной?!

— Михаэлла, за последние два часа нам попались три охотничьих домика куда приличнее, — продолжал негодовать мой спутник. — Тебе обязательно было притащить нас в эту развалину?

— Зато тут искать точно никто не станет, — объяснила, чем руководствовалась, я. — Об этом месте мало кто знает, сюда трудно пробраться.

И, не дожидаясь очередной порции недовольства этого неженки, решительно направилась к почти вросшей в землю двери.

Морща нос и бурча вполголоса что-то страдальческое, Тавиш тем не менее покорно поплелся следом.

Поддержка тут мне была не нужна, можно было ступать, не опасаясь поскользнуться или провалиться. Домик стоял будто на небольшом островке, окруженный колючими зарослями дикой малины. Если бы дело было летом, можно было бы полакомиться сладкими ягодами, их тут всегда было много, потому что жители окрестных селений не совались к болотам, боясь страшной болезни. Почему-то считали, будто она отсюда приходит. Сейчас лакомства не было и оставалось разве только любоваться мелкими цветочками и отпечатавшимися в траве и грязи следами диких животных.

Дверь поддавалась легко и открылась только наполовину. Мне-то ничего, а Тавиш... тоже пролез. Пожалуй, и неплохо, что он помельче большинства знакомых мне мужчин.

Внутри же нас поджидало целых два открытия. Оба сделал наколдованный, пока я глазела по сторонам, восхищаясь тем, что ничего не поменялось за несколько лет, которые я тут не была.

— А не так уж никто и не знает про этот домишко, — протянул Тавиш, продолжая морщить свой наколдованный нос.

Понадобилась целая минуту, чтобы понять, что это он принюхивается, а не демонстрирует брезгливость.

— Мм-м? — Я слишком устала, чтобы говорить развернуто. Особенно когда не видела причин усердствовать.

— Обгоревшие тряпки в очаге. На столе и вон там, в шкафчике, остатки еды, — перечислил он и, не сходя с места, поделился выводами: — Недавно сюда кто-то

наведывался.

Спину облизал холодок, отчего шерстяное платье сделалось неприятно колючим. Этот домик не был моим, и уж тем более не был тайным, но от знания, что сюда приходил кто-то еще, я почувствовала себя неуютно.

Скрипя и треща половицами, Тавиш прошел к покрытому копотью очагу и подцепил пальцем кусок лохмотьев.

— Как интересно...

Меня же больше заинтересовали оставленные продукты: бекон, буженина, несколько видов сыров, черный и белый хлеб — ничего еще не успело испортиться. Значит, времени прошло не так уж много. Не больше суток.

И корзинку я узнала, такие в одном из соседних селений плетут. Там еще ферма, а при ней дорогушая лавка, где всякими деликатесами торгуют.

— Еда хорошая, а судя по остаткам одежды, тут будто бродяга побывал. — Я тоже пыталась рассуждать, но концы с концами плохо сходились.

— Я недавно тебе наглядно продемонстрировал, как можно добыть нормальной еды, — осклабился Тавиш.

Слова эти должны были вызвать во мне естественное отторжение, но вместо него внезапно нахлынуло облегчение. В чем-то заколдованный, конечно, прав. Не его вина, что ведьма про совесть забыла. К тому же нам нужна была еда, и он украл обычные продукты, а этот неизвестный ворюга позарился на дорогие яства, которые только проезжие богачи или успешные купцы могли себе позволить. Так, может, и есть в нем что-то человеческое?

Скрип-скрип-скриииип... Пол под его ногами опасно проседал.

— Наступай осторожнее, — взмолилась я. — И вообще, нам лучше уйти.

— Почему это? — тут же вскинулся Тавиш и, еще раз оглядев, забросил обгоревшую тряпку обратно в очаг.

Неужто это надо объяснять?!

— Наш предшественник может вернуться. — Я жалобно глянула на странного мужчину, волею непонятно каких сил оказавшегося единственным союзником и защитником.

Таинственный некто уже был уверенно отнесен к нехорошим, опасным людям, и встречаться с ним мне категорически не хотелось.

Однако Тавиш придерживался иного мнения.

— Отлично, пускай возвращается, — зловеще произнес он и многозначительно пошевелил в воздухе длинными черными когтями.

Пока шли, он успел научиться по своей воле отращивать и скрывать их, и теперь откровенно забавлялся. Впрочем, смысл сказанного от этого менее жутким не стал.

— Ты не убьешь его! — заранее откуда-то зная, что ко мне не прислушаются, практически взвыла я.

— Прости, Михаэлла, но у меня не останется выбора, — буднично сообщил беловолосый монстр. — Не хочу, чтобы нас здесь видели.

— Так давай просто уйдем! — Я почти умоляла. — Тебе же не нравился этот домишко. Засядем в одном из охотничьих, они крепкие, в некоторых даже одеяла есть.

Дура я, дура, что сразу не повела его туда! Побоялась нечаянно натолкнуться на какого-нибудь смельчака, хоть таковых и не ожидалось, теперь вот не знаю, как спасти жизнь неизвестного вора. Ладно, на саму вороватую личность мне плевать, но не хочется, чтобы на Тавише была еще кровь.

— Сразу не нравился, теперь понравился, делов-то, — не сдавался этот упрямец.

— Почему? — почти простонала я.

Он всегда отвечал, если я прямо спрашивала. Вряд ли потому, что так сильно доверял, скорее всего, просто еще не научился как следует увиливать и выкручиваться.

Прямо ответил и сейчас:

— Я чувствую здесь магию.

Понятия не имею, что там чувствовал Тавиш, и уж тем более мне не дано знать, что он с этим сделал, но пол перестал жутко трещать и опасно прогибаться под его весом. Правда, заметила я это лишь на следующий день. Этот же провела в страхе и изо всех сил молила покровителей, чтобы таинственный хозяин хорошей еды и лохмотьев не вернулся.

Странно, но они услышали, даже помогли. До следующего утра никто так и не пришел. А потом меня отпустило, страхи улеглись, мысли снова вернулись к враз изменившейся жизни.

Мы провели в болотном домике без малого трое суток. Из них первые двое не происходило ничего. То есть почти ничего. Тавиш каким-то странным образом укрепил дом, я нашла и отмыла несколько засохших бурых капель с пола. Еду, оставленную предыдущим путником, я трогать отказывалась, как один беловолосый искуситель ни соблазнял. Ела то, что мы принесли. А он не стеснялся, еще и упоминать не забывал, что нашему предшественнику все это в любом случае больше не пригодится.

К вечеру ему, видимо, надоело меня изводить, и он, предупредив, что будет отсутствовать около часа, вышел из дома. Я потом еще слышала, как шуршат заросли. Зато смогла использовать это время, чтобы осмотреть ногу и вычистить одежду, насколько это было вообще возможно. Я, конечно, в бедности росла, но мама Мианна приучила не быть грязнулей.

Вернулся Тавиш с возмутительно довольной физиономией и, отыскав целый, хоть и ржавый котелок, натаскал немного воды. Он чистый источник нашел. Вот может же, когда хочет, быть нормальным! Когда никого не грабит и не порывается убить.

А на исходе второго дня его словно демоны покусали. Обычно тихий и задумчивый мужчина нервно мерил шагами единственную комнатку, то уходил, то возвращался, и все как-то странно поглядывал на меня. Так, что я даже в платок поглубже спряталась.

Помогло мало. Его взгляд прожигал. Сквозь одежду, через кожу, кажется, в самую душу пробирался.

Наконец я не выдержала и, чтобы как-то отвлечься и его заодно отвлечь, посоветовала:
— Ты бы так смело не разгуливал по болотам, а то еще подхватишь лихорадку. Мне она не страшна, я переболела, а вот тебе лучше остерегаться.

Дельный совет, как это с ними обычно и бывает, пропустили мимо ушей.
— Зараза ко мне не пристанет, — с полной уверенностью отмахнулся беловолосый.
Что же, ему виднее. Откуда мне знать, чем болеют, и болеют ли вообще наколдованные. Опять вышел. И через минуту вернулся, громко скрипнув дверью.

Решительно подошел ко мне и, прежде чем я успела среагировать, стянул платок. Не назад откинул наподобие капюшона, как это я сама делала, а совсем снял.

— Что ты делаешь?! — Я поспешила отвернуться.
Не люблю быть беззащитной. Мне нужна хотя бы небольшая преграда между мной и миром.

Или лучше большая. Из плотной ткани.
Взгляд, которым прошелся по мне Тавиш, скорее почувствовала. Не понравился мне этот взгляд...

— У тебя красивые волосы, — вдруг выдало это творение ведьминово коварства. —

Напрасно их прячешь.

Воспользовавшись временем, которое просто нечем было занять, и принесенной Тавишем водой, я их вымыла, а сплести в тугую косу, свернуть и заколоть ее на затылке пока не успела, оставила пряди сохнуть под платком. И вот, дождалась. Просто мороз по коже. Что этому ненормальному в голову взбрело?!

— Я все прячу, если вдруг ты еще не понял, — пробурчала враждебно. — Верни платок!

— Цвет лунного серебра... — пробормотал он и выполнить мое требование даже не помыслил, — кто бы мог подумать?

— Спасибо, что сказал, как это называется, а то я не знала, — еще более враждебно и очень обиженно.

В глазах противно защипало. Я уже давно не плакала, что бы кто ни говорил о моей внешности. Научилась отгораживаться, убедила себя, что мне все равно. Но стоило полунесуществующему человеку... да и человеку ли?.. сказать, что у меня волосы красивые, как все внутренние барьеры просто смело. Захотелось биться в истерике и рыдать в голос. Я из последних сил держалась.

А Тавиш все никак не унимался.

— Думаю, без этих следов у тебя было бы миленькое личико... Жаль. Очень жаль.

Ага. Я тоже так думаю.

Вот зачем он так?!

Хлюп, — очень тихо.

— И знаешь, — тот, кто еще несколько минут назад казался едва ли не единственной опорой во всем мире, решил меня добить, — сейчас мне вдруг захотелось узнать, что скрывается под твоим мешковатым платьем. Чутье мне подсказывает, что это будет лучше, чем я до этого представлял.

Слезы прогнала злость. Такая, которая напрочь сметает все страхи, отзывается крупной дрожью по телу и полупрозрачной алой пеленой перед глазами.

— Представлял?! — свистяще выдохнула, резко повернув к нему лицо. Пусть смотрит! Пусть подавится! Пусть его передергивает всякий раз, когда будет... представлять. — Меня?! Прямо так, со струпиями затянувшихся язв? А посимпатичнее предмета мечтаний что же, не нашлось?

Я не соображала, что говорю. Не думала о возможных последствиях. В тот момент ненавидела весь свет.

Сволочь он распоследняя! А я-то почти поверила, что он не как другие, он не обидит.

Оказалось, он еще хуже.

— Не так, — реагировал наколдованный в свойственной ему манере, моей вспышки даже не заметил. — Тебе нужно платье по сезону и по фигуре, чтобы было заметно, что у тебя есть грудь. И платок нужен другой. Или вообще не платок. И обувь нужна хорошая, желательна на каблуках. Может, хоть тогда ты перестанешь сутулиться и зажиматься. Глупо уродовать себя больше, чем уже есть.

Из приоткрытого от изумления рта вырывалось только дыхание, никаких слов. А пока я наполовину пребывала в каком-то ином измерении, Тавиш поймал и пропустил сквозь пальцы прядь моих волос, а потом, понизив голос, снова заговорил:

— Приоденем тебя позже. А сейчас меня интересует прямо противоположный процесс. Михаэлла... иди ко мне. — И поверх шерстяного платья на талию и бедро опустились его руки, попытались притянуть ближе, но я уперлась.

Страх дурманил, сводил с ума. Пожалуй, это даже хуже, чем если бы Тавиш меня убил и утопил в болоте...

Он ведь отчасти как ребенок сейчас: не осознает человеческих рамок, для него нет понятия «противно». Лет в пять деревенские дети все как один строят замки из грязи, устраивают импровизированные бои, таскают разных козляков. А станут чуть постарше, и те, кто побогаче, уже морщат носы, если в храме приходится сидеть с кем попроще. Помню, Ялина, дочка одного не особенно удачливого купца, когда паука увидела, так визжала и с ногами на скамью залезла, а когда-то смело брала их руками. Так и Тавиш сейчас. Ну, я так думаю.

— Прекрати! — Мой голос сильно дрожал. — Сам же потом жалеть будешь!

— К чему жалеть о том, чего хочется? — пожал плечами наколдованный и попытался коснуться моей щеки, но я увернулась.

Ага, значит, бедные дома и моя одежда его не устраивают, а с безобразной девицей зажиматься — в самый раз? Ненормальный.

— Но мне-то не хочется! — Я вжалась спиной в стену, еще и ноги к себе на лавку подобрала.

— Значит, в процессе захочется, — отмахнулся Тавиш и еще решительнее потянул меня к себе.

Страх медленно сменялся паникой. Он хоть и тощий, но сильный, зараза. А если еще когти выпустит...

Я сжималась на лавке и уже готова была начать скулить.

— Прекрати. Пожалуйста...

— Слушай, это уже начинает злить. — Он тоже не пришел в восторг от моей реакции. — Ломаешься так, будто у тебя выбор большой. Толпа женихов под окном не стоит и, точно тебе говорю, уже не выстроится. Красотой не вышла. Так что давай, будь нежной с тем, кто о тебе заботится. Потому что мне может надоесть с тобой возиться...

Угрозы действовали, я так и чувствовала, как кровь отливает от лица. И Тавиш это прекрасно видел, вон какая морда довольная и предвкушающая сделалась.

И тут в меня словно демон вселился. Или проснулось что-то, что до сих пор чутко дремало на доньшке души. Что-то злое, решительное, сильное. То, чего мне так остро сейчас не хватало.

Воодушевленный успехом, наколдованный медленно потянулся ко мне.

Другого шанса может и не представиться. Поняв это, я изо всех сил двинула обеими ногами ему в живот.

Не ожидавший нападения Тавиш с руганью опрокинулся на спину.

А я, забыв про платок и обувь, бросилась прочь из дома, еще недавно казавшегося вполне надежным убежищем.

Лучше в болоте сгинуть!

Ишь, выбора у меня нет... уродливая... бери, что дают. А меня спросили? Может, оно мне и не надо вовсе! Мне и так хорошо!

— Стой, куда понеслась?! — Минуты не прошло, как Тавиш появился в дверном проеме, но догонять не спешил. — Бешеная!

Оглянулась, лишь чтобы удостовериться, что он не преследует. От быстрого бега дыхание безнадежно сбилось, и воздух, который я жадно глотала, казался раскаленным. Длинные волосы облепили лицо, лезли в глаза, цеплялись за ветки. Острые травинки

безжалостно резали босые ступни.

— Эй, побегала и хватит, возвращайся! — Тавиша я больше не видела, но меня нагнал очередной крик. — Михаэлла! Демоны тебя возьми, да понял я, понял, больше не повторится...

Ага, не повторится, пока не поймаешь!

Обида жгла сердце, слезами струилась по щекам, но от этого становилось только хуже. Волосы прилипли к мокрому лицу, мешая разглядеть, куда бегу и на что наступаю. Но в ушах все еще звучали обидные слова, болезненно пульсировали в голове, гнали вперед, как можно дальше от наколдованного создания, для которого окружающие, как выяснилось, лишь средства сделать так, чтобы ему было удобно. Нужны еда и одежда — украл, одолели желания тела — накинулся на первую попавшуюся девицу, ничего, что лицо попорчено, зато далеко ходить не надо!

Не то мысли и душасщие рыдания слишком уж отвлекли, не то демоны, к которым воззвал мой обидчик, среагировали и потянули потусторонние лапы за добычей, не то я все-таки поранила ноги до крови и от этого стало скользко, но одно неверное движение — и ступни неумолимо заскользили. Я только коротко вскрикнуть успела и отчаянно забилась, отодвигая спутанные и грязные волосы с лица. А в следующий миг оказалась по пояс в зловонной болотной жиже.

Дальше все было будто в страшном сне. Меня медленно затягивало. Онемевшие от внезапно нахлынувшего холода пальцы хватались то за обломанную ветку, то за мох или длинную мясистую траву, но я только руки исцарапала и увязла еще глубже. От ужаса горло сдавило, я даже хрипеть толком не могла.

И этот холод... Он, кажется, был везде. Словно сами мысли заledenели и наполнили голову десятками ледышек. Она тут же отяжелела, перед глазами поплыло.

Новый вдох отозвался болью, что-то вязкое забилося в нос.

Сознание стремительно падало в темный омут.

— Михаэлла!.. Да очнись же ты, бедствие ходячее! Девушка, ты меня пугаешь...

Кашель, кажется, только что перестал сотрясать тело, от него еще болело в груди. Я помнила, как что-то прохладное скользило по коже. Но теперь все прекратилось, в темноте было уютно и спокойно, только мерзкий привкус во рту раздражал. И еще голос. Но на все это я бы не стала реагировать, если бы кто-то «добрый» от души не хлестал меня по щекам.

— Мм-м...

Покровители, как же мне плохо! И жарко, кажется, сейчас кожа плавиться начнет. Но при этом меня почему-то трясет. И на душе погано, плакать хочется. Еще чьи-то настырные руки то тормошат, то по щекам лупят, то обтирают чем-то влажным. И голова разламывается. И тошнит. И...

— Вот умница. — Тихое бормотание обволакивало. В губы ткнулся край кружки, и я послушно сделала пару глотков. Больше не смогла, опять накатила дурнота. — Ты выбрала этот мир. Потерпи, скоро уже станет легче.

Голос я, естественно, узнала. Тавиш.

Произошедшее не забылось, поэтому я тут же попыталась вывернуться, но сил пока было маловато для таких подвигов.

— Пусти!

— Чтобы ты опять от меня в болоте спрятаться решила? — Он старался говорить насмешливо, но за этой насмешкой в тихом голосе слышалось что-то еще. Тщательно

скрываемое.

Да уж лучше на дне болота, чем рядом с этим негодяем! Хотя, если честно, жить все-таки хотелось больше, чем сохранить честь. Но если он опять станет приставать... Ох, как плохо. Кажется, я умираю...

— Прости, это больше не повторится, — бормотал тем временем наколдованный, зачем-то поглаживая меня по волосам. — Я научусь справляться с реакциями тела. Без твоей помощи. Думал, что уже научился, но оно каждый день преподносит что-нибудь новое.

Теперь извиняется. А если б я не удрала...

— Я приличная девушка, — сообщила, еле ворочая языком.

— Не сомневаюсь, — радостно согласились где-то справа.

— Я хочу мужа и детей. Настоящую семью. — Никогда и никому в этом не признавалась, а тут вдруг накатило.

Открыть глаза все еще не было сил.

— Однажды тебе обязательно попадетсЯ подходящий человек. — Тавиш, конечно, всего-навсего заговаривал мне зубы, но слышать это было неожиданно приятно.

Я же поскользнулась, когда он отправил меня к демонам. Вдруг и сейчас сбудется.

— Только тронь еще раз! — Как плохо мне ни было, но задремать, не удостоверившись, что я в безопасности, не могла.

К счастью, Тавиш это быстро понял.

— Обещаю решать проблему вожделения без твоего участия, — серьезно выговорил он. — Расслабься, Михаэлла. Ты мне даже близко не нравишься. Просто я поддался порыву, да еще этот злосчастный ритуал...

— Какой еще ритуал?!

Глаза наконец удалось приоткрыть, но все вокруг будто дымкой было покрыто.

— Видимо, меня должно было подчинить ведьме, но вместо этого замкнуло еще и на тебя. Привязка крайне слабая, но она есть.

Так поводок все-таки есть? И один его конец в моих руках. От этого понимания стало спокойнее. И даже логичный вывод, что на другом конце того поводка отнюдь не ошейник, а тоже вроде как поводок, уснуть мне не помешал.

Что скрывается под платьем, наколдованный все-таки узнал, потому что проснулась я в его рубахе, а под ней не было совсем ничего.

Утро началось со слабости, противной головной боли, виноватого Тавиша и заваренных в кружке трав. Лекарство или хотя бы нормальный чай готовить он не умел, посему поило было совершенно безвкусное. Просто вода с плавающими в ней травинками. Они не давали ни цвета, ни вкуса, ни приятного запаха, только раздражали. Но я все же выпила, чтобы прогнать мерзкую горечь во рту и избавиться от жажды. Хотя бы жар спал, уже хорошо.

Стыдно или неловко не было. Вряд ли он мог увидеть там что-то ужаснее, чем мое лицо. И хорошо, что не уложил на лавку прямо в липком грязном платье, искупавшемся вместе со мной в болоте. И что вытащил, тоже хорошо.

— Повезло, что в корзине нашлось спиртное, — избегая на меня смотреть, первым заговорил Тавиш. — Если бы не растер тебя, ты бы точно с горячкой на неделю слегла.

— Вряд ли. — Разговаривать с ним больше необходимого я не собиралась, но зачем-то все равно ответила: — Я крепкая. За последние пятнадцать лет вообще ни разу не болела.

После той самой лихорадки. Какая ирония.

Спорить он не стал, только бросил на меня любопытный взгляд и тут же отвернулся к окну.

В следующий раз тишину нарушила уже я сама. Был один вопрос, требующий прояснения:

— А где моя одежда?

Тавиш не ответил, только белобрысой головой в сторону очага мотнул.

Там тлели какие-то тряпки. Смутно знакомые тряпки! Вот почему минувшей ночью так жарко было! Ну, помимо горячки.

Вся слабость от злости улетучилась вмиг.

— Ты издеваешься?! — взвилась я и тут же закашлялась, поперхнувшись. Продолжала уже сквозь кашель и навернувшиеся слезы: — Что же мне теперь, голышом ходить?

— Ничего ты не голая, на тебе моя рубашка, — возразил беловолосый и скрестил руки на обнаженной груди.

На ней совсем не было волос и, помимо выпирающих костей, кое-где просматривались бугорки мышц, но все равно он оставался слишком худым.

Я его почти ненавидела. И это «почти» все еще держалось только из-за постоянных напоминаний себе о том, что этот мужчина не совсем настоящий, он появился в результате ведьмино ритуала и наверняка для него многое вокруг странно и непонятно. Но почему страдать от этого должна я?!

— В ней только здесь ходить и можно, — вздохнула я. — В деревню не сунешься. И... где мой платок?!

Старенькие, грубо сшитые туфли стояли возле лавки, где я их вчера и оставила, а платка не было. Но он здесь же лежал, я точно помню! Большой, шерстяной... надежный...

Тавиш не ответил, даже мой полный негодования взгляд проигнорировал.

Знает, мерзавец, что ничего я ему не смогу противопоставить, и этим пользуется!

— Как чаек? — невинно осведомился этот недомагиченный.

— Мерзкий. — Настроение было паршивое, поэтому я сказала правду.

Не руками же мне теперь лицо прикрывать?!

— Увы, это тело не умеет готовить. Ему раньше не доводилось, — пожаловался беловолосый и, так и не найдя во мне сочувствия, направился к выходу. — Ты пей пока, отдыхай, можешь сходить к источнику и умыться. А я наведаюсь в селение, раздобуду одежду.

— Может, хоть ночи дождешься? — испугалась я.

— А ты обо мне беспокоишься? — поддел наколдованный нахал.

Пф! Еще чего не хватало.

— Не хочу остаться здесь одна, — сказала чистую правду. — Так что не попадись там. И укради мне новый платок, я без него не могу.

Покровители, как низко я пала! Уже сама поддерживаю воровство и собираюсь пользоваться его плодами.

— Будет сделано, моя госпожа, — широко улыбнулся Тавиш и исчез на несколько часов.

Покончив с противным чаем, я решила провести время одиночества с пользой и побрела к источнику.

Но едва вышла за порог, как всеми фибрами души ощутила — что-то не так. На самом деле это чувство подкрадывалось едва ли не с первой минуты здесь, но тогда голова была занята другим. Теперь же выдалась минутка, свободная от страхов, переживаний, и от Тавиша, — и вот оно, накатило. Странное что-то. Чужеродное.

Я остановилась, прислушалась, повертела головой по сторонам. На первый взгляд все было как обычно: птицы трещали, где-то далеко верещала безобидная дневная нечисть, булькало болото. Звенела особенная лесная тишина. Но в самом воздухе разлилось что-то опасное, и кожа, несмотря на довольно жаркий день, покрылась пупырышками.

Кабы не запекшаяся кровь на ладонях и ступнях и не слипшиеся волосы, я бы никуда не двинулась, а так пришлось. Лучше сейчас, потому что мыться, когда где-то поблизости околачивается мой ненадежный союзник, я не решусь. Только надо идти медленнее и внимательно смотреть, куда наступаю...

Предчувствие подвело, до источника я добралась без приключений. Ничего не произошло и там. Холодная вода взбодрила, смыла часть страхов, окутала тело крупной дрожью. Из-за нее приходилось сдерживаться, чтобы не броситься бегом к натопленному дому. Но как знать, когда еще получится вымыться спокойно, поэтому я стиснула зубы и, невзирая на холод, пробирающийся до костей, долго терла себя пучком сухой травы, а потом тщательно вымыла волосы.

И возвращаться заставила себя медленным шагом, хоть и тряслась вся, и зубами стучала.

Как раз на обратном пути почувствовала едва уловимый запах. Пахло чем-то сладковатым и одновременно гнилью. Тогда же поняла, что запах этот был тут всегда, просто я внимания на него не обращала. И еще внезапно пришло четкое осознание: я не хочу здесь быть. Надо уйти как можно дальше!

Разум оказался сильнее паники и каких-то там предчувствий. Я еще раз огляделась, так и не сумела определить, что так странно пахнет, и решительно зашагала к временному пристанищу. Куда я одна, да еще без одежды? Дождусь Тавиша, если повезет, он вернется не с пустыми руками, тогда и поинтересуюсь у него обстановкой в Черном Лесу и заодно нашими планами.

Достигнув внутреннего согласия, я затворила за собой дверь, для этого пришлось навалиться на нее всем весом, потом соорудила перед ней на всякий случай гору из котелка и двух кружек и только после этого с чувством выполненного долга рухнула на лавку. Недолго терзалась муками совести и придумывала, чем буду замаливать у покровителей вину за воровство. Потом разомлела под просачивающимися сквозь не слишком чистое оконце солнечными лучами и провалилась в глубокий крепкий сон.

Надолго. Успела по-настоящему отдохнуть, а потом еще увидеть красочный сон, в котором у меня было нормальное лицо и я путешествовала в летучем экипаже.

Подумать, что видение окажется вещим — хотя бы одна его часть, — мне и в голову не пришло.

Ближе к вечеру меня разбудил грохот. Спросонья не разобравшись, где нахожусь и что вообще происходит, я схватила первое попавшееся и швырнула в ту сторону, откуда слышался звук. Уже после, постанывая, села, вспомнила, как сама же возвела баррикады у входа, и обзрела поднимающегося с пола очень злого Тавиша.

Наколдованный потирал лоб. Судя по гримасе на породистом лице, больно ему было вполне по-настоящему.

Первым попавшимся оказалась ложка.

— Это месть за вчерашнее? — подозрительно спросил он, отодвигая ногой котелок, но подходить ближе не спешил.

Никогда никому не мстила, просто не задумывалась ни о чем подобном. Но сейчас ощутила нечто похожее на то чувство, которое испытывала в день, когда мне выдавали

жалованье. А приятно!

Но улыбку лучше спрятать, а то наколдованный разозлится еще.

— Я спала, а это поставила, чтобы слышать, если вдруг кто придет. Мало ли какой человек по лесу шастает. — Среди всех других выделялось и еще одно чувство — неловкости из-за собственного поведения и глупейшей ситуации. — Прости, я не специально.

— А глаза блестят так, будто это все-таки месть. — Прощать легко Тавиш не собирался. — И ты губы кусаешь, чтобы не улыбаться.

Наблюдательный какой. Но извиняться дальше не стала. Подумаешь, шишка на лбу и на полу чуток поваялся! Меня вчера чуть не обесчестили, а потом я едва в болоте не утонула.

Мы еще не квиты.

Определив для себя, что опасности нет, Тавиш все же прошел к лавке, на которой сидела я, и принялся разбирать сумку.

Первым из нее возник белый хлеб. Ароматный, теплый еще, с хрустящей корочкой, мм-м... Тавиш разломал булку пополам, отдал одну часть мне и жадно вгрызся в свою половину.

— Сегодня ты ограбил пекаря? — Восторг, вызванный теплой выпечкой, помешал мне разозлиться из-за кражи или хотя бы осудить вора.

Покровители, что он со мной сотворил! Еще немного, и сама поверю, что красть не зазорно, если тебе нужнее.

Но как же вкусно!

Теплый хлеб — еще одно благо, которого я была лишена. Тот, что только из печи, стоит почти в два раза дороже, и я, естественно, брала, который дешевле, часто даже вчерашний. И сама никогда не пекла. Возни много, а результат всегда получался кривым, сплюснутым и малосъедобным даже на мой непритязательный вкус.

— Почему сразу украл? — Тавиш вроде бы даже обиделся. — Купил.

— На что? — вяло осведомилась я, уминая свою долю.

В глубине души мне было все равно, и это вызывало протест. Я не такая! Никогда не была такой! И не хочу становиться.

Лучше б не спрашивала! Тогда бы и не подавилась, услышав ответ.

— Тебе жалованье выдали, — сообщил Тавиш, запустил руку в сумку... и ко мне на колени посыпались звонкие монетки. — Держи. Тут все, что осталось после покупки еды и одежды.

Мои глаза, в которых все еще стояли слезы, выступившие от кашля, округлились.

— Но тут все равно слишком много!

— Считаю, это компенсация за задержку, — заявил беловолосый наглец и вызывающе мне подмигнул.

Я мысленно застонала. Он не исправим.

Хотя наши, конечно, заслужили. Издевались, обворовывали, потом еще попытались всех собак на меня повесить. И использовали во время болезни, когда им это было нужно. Так, может, не такой Тавиш и негодяй? Может, это покровители ниспослали справедливость в его лице?

Противный внутренний червячок со мной не согласился, но я упрямо продолжила есть хлеб. Терзаться муками совести можно и на полный желудок.

Тавиш проявил невиданную учтивость и дождался, когда я проглочу последнюю крошку, прежде чем удивить меня снова.

В этот раз даже слов не понадобилось. Он просто вытащил из сумки...

— Штаны?! — Как-то даже не предполагала, что способна так визжать.

— Сама видишь. — Наколдованный был горд собой, но моя реакция внушала ему некоторые опасения.

Вижу. Но отчаянно надеюсь, что это какие-нибудь болотные испарения вызвали галлюцинации. А потому сижу неподвижно и жду, пока обман воспаленного разума развеется.

Минута, вторая пошла... Что-то не торопится он.

— Михаэлла, что не так? — По-видимому, наколдованному недодали не только совести, но и терпения.

— Приличные женщины не ходят в штанах!

Но возмущение мое осталось не только безответным, но и не понятным.

— Правда? — приподнял светлые брови Тавиш. — А я думал, что приличные не ходят без штанов. Зря только монеты потратил.

Вот так бы и прибила, честное слово! И откуда только смелость взялась? Впрочем, ее было не столько, чтобы перейти к активным действиям.

— Не смей надо мной издеваться! — прозвучало жалко, даже я сама это почувствовала. — Это же срам! Мне нужно платье. Или юбка, на худой конец.

— Тебе нужно то, что я принес, — непререкаемо и как-то непривычно жестко заявил Тавиш. — И не смей реветь! В дороге удобнее в такой одежде. Посмотри внимательно, они женские. И если, по-твоему, их нельзя надеть, то зачем тогда их продают?

— Ну...

Возразить тут было нечего. К тому же другой одежды не предполагалось, а сверкать голыми коленками мне уже надоело. Пришлось брать, что дают.

— Думаю, пришло время поговорить о наших проблемах и определиться с планами на будущее, — направил мою энергию в нужное русло беловолосый.

Правильно. Не вечно же на болотах скрываться.

Одежду я положила на лавку рядом с собой, даже проверять не стала, что там к штанам прилагается.

Выжидательно уставилась на бледное лицо напротив. Правильно поняв посыл, Тавиш начал первый:

— С наступлением темноты пойдем в селение. Мне надо разобраться с ведьмой.

Прозвучало зловеще. Настолько, что по коже рассыпалась морозная дрожь.

— Как разобраться? Зачем?! — всполошилась я.

— Да не трясись ты, просто поговорить, — уточнил он. — Она не для себя тот ритуал проводила. Хочу выяснить для кого и убедиться, что ведьма не повторит попытку.

Вполне логичное желание. Я выдохнула и медленно кивнула:

— Хорошо, пойдем. — На самом деле вопрос и так был решенным, но мне важно было оставить хотя бы мизерную иллюзию того, что от меня хоть что-то зависит.

Тавиш это понял, глянул на меня почти с сочувствием и отпустить едких замечаний не стал. Потом и вовсе спросил неожиданное:

— А у тебя остались какие-нибудь важные дела?

Я замялась. В голову разом пришло столько всего и ничего конкретного. В смысле, ничего, что имело бы значение по-настоящему.

— Разобраться с Ффруа? — подсказал Тавиш.

— Разобраться... — эхом повторила я, ощущая странную пустоту в голове.

— Не волнуйся, это я беру на себя, — вызвался мой странный заступник. — Что они от тебя хотели? Почему заперли в камере?

И тут словно щелкнуло что-то. Как тогда, когда я оттолкнула Тавиша и бросилась бежать. Страхи ушли, прихватив с собой глупые запреты. Я четко осознала, чего именно хочу, и, пока настрой не ушел, поспешила сообщить об этом сообщнику:

— Не с ними. Меня оболгали. Оказалось, что от мамы остался хороший дом, а управляющий это утаил и пятнадцать лет присваивал арендную плату, — слова лились и лились, и так складно получалось, так уверенно, что я сама себя не узнавала.

Отстраненно отметила, что к завтрашнему утру на моей совести может появиться еще нечто, за что придется выпрашивать прощения у покровителей. Но совесть промолчала. За эти злосчастные штаны почему-то было стыднее, чем за планируемую справедливость.

— Хорошо, наведаемся и к нему, — кивнул наколдованный, дослушав до конца. — Одевайся, пора выдвигаться.

Штаны были ужасны. Они плотно обтягивали ноги, непривычно льнули к коже, смущали и жутко раздражали. И даже светло-зеленая туника, прикрывшая почти весь зад, не спасала моего мнения о собственном облике.

Ниже падать уже, кажется, некуда!

— Ну долго еще? — раз, наверное, в десятый послышался из-за двери нетерпеливый окрик. — Михаэлла, ты там что, записной красавицей заделалась?

Дособиралась. Тавиш начал злиться. Он со мной терпелив и деликатен, насколько вообще на это способен, но и у его выдержки есть предел, и сейчас этот предел, кажется, наступил. А значит, пора завязывать со смущением и выходить. Ну кто меня увидит в лесу? Да и темно уже, может, и в селении никто не встретится. Или не узнает во всем этом.

Вещи были хорошие, но непривычные.

И ходить в них наверняка жутко неудобно...

— Иду, — печально вздохнула я, пока он дверь не высадил.

Руки быстро обернули шаль таким образом, чтобы она скрывала большую часть лица. В ней было не так жарко, как в моем платке, и намного удобнее. Хоть в чем-то наколдованный угадал.

Стыд-то какой, мне покупал вещи мужчина! Даже белье!

На ворованные деньги!!!

Но как я ни пыталась раззадорить ее соответствующими мыслями, совесть мирно спала и просыпаться не торопилась. Больше того, в тайном уголке души поселилось что-то сродни предвкушению.

— Быстрее, — рыкнул Тавиш, отчетливо скрежеща зубами. — Только не забудь ничего, мы сюда больше не вернемся.

Эти слова подействовали лучше плетки. Я молниеносно сунула ноги в свои туфли, казавшиеся в сравнении с новой одеждой слишком грубыми и массивными, подхватила зеленый плащик, сумку и высунулась из дома.

— В Черном Лесу останемся? Уже можно? — Вспыхнувшая надежда заставила сердце забиться сильнее.

— В город уедем, — огорошил меня наколдованный, перехватывая сумку.

Станным его создала ведьма. Для него украсть или убить — что мне почесаться. Кажется, он не испытывает страха или мук совести. Но при этом всегда сам носит тяжелую сумку, подхватывает, если я поскользнулась, придерживает за руку в опасных местах. Опять же, вызвался разобраться с Ритхелем, хотя лично ему это не надо.

Словно две противоположности, склеенные воедино. Для чего можно было использовать кого-то с такими качествами?

— Мне не надо в город! — Я даже отпрянула.

— Еще как надо, — зловеще усмехнулся мужчина, ловко поймал меня за руку и буквально выволок из нашего временного убежища.

По коже прогулялся холодок нехорошего предчувствия.

— Зачем? — спросила, с трудом подстраиваясь к его шагу.

— Тебя и так разыскивают, а после этой ночи у местной стражи появится несколько поводов прилагать к этому больше усердия, — сообщил Тавиш.

Только меня? Вот как знала, что в итоге окажусь единственной крайней.

Но это не напугало. В местной страже служило всего четыре человека: двое бывших вояк, которых еще лет десять назад отправили домой из-за возраста, дежурили днем, и дюжие сыновья кузнеца — ночью. Я их всю жизнь знала, и хоть друзьями или приятелями мы не были, представить, что они сделают мне что-то плохое, не могла. В крайнем случае, объясню, как все было.

— Твоя мордашка висит на новостном столбе, — словно подслушав мои мысли, поспешил развенчать всяческие надежды на благоприятный исход дела спутник. — И должен заметить, там она выглядит раз в пять страшнее, чем на самом деле. Похоже, у рисовавшего на тебя зуб. А знаешь, в чем тебя обвиняют?

Я мотнула головой, не определившись, как еще реагировать.

— Перечислю по порядку. — Тавиш, видимо, получал удовольствие, запугивая меня. — Нападение на Джереми Ффруа и его сестру, убийство телохранителя Ффруа. Кражи из нескольких домов в селении. Сглаз коровы какой-то Авриты и сглаз дочки купца... не то Ослова, не то Мулова, уж прости, не запомнил, вследствие чего она никак замуж выйти не может, а ей уже сорок один. Черная магия и запрещенные ритуалы. И да, самое главное! В том, что ежегодно с болот какая-то зараза приходит. В связи с последним тебе же отвечать и за всех от нее умерших. Ну как списочек? Впечатляет?

Горло сжалось, некоторое время я не могла выдавить ни слова. За эти мгновения меня опалило злостью, окатило кисловатой обидой и так жалко себя стало, что остатки совести, вернее, воспитания, к этим остаткам взывавшего, тихо загнулись. Что бы Тавиш ни выкинул... поделом им!

— Я же их лечила, а они... — прошептала, когда голос вернулся. Предательство людей, которым вроде как помогала и которые вроде бы даже были благодарны, злило куда больше того, что мне приписали и подвиги наколдованного. — Если бы умела, точно бы сглазила! И прокляла! И еще что-нибудь сделала.

Ниточки, связывающие меня с этими местами, рвались одна за другой. Словно что-то гнало прочь. Но перебираться в город все равно было страшно. Кто знает, как он примет меня... такую?

— Уроды, — подобрал определение Тавиш, брезгливо сплюнул себе под ноги и сжал мою руку. — Забудь. В большом городе проще затеряться, там мало кому есть дело до твоего лица. А когда обустроимся, найдем хорошего мага, может, получится подправить тебе мордашку.

Если до последнего предложения я еще настроена была сопротивляться и отнекиваться, то сейчас затихла, пришибленная надеждой. Покровители, этот наколдованный точно знает, на какие точки давить!

— Думаешь, это возможно? — пролепетала, зачем-то втянув голову в плечи.

— Не узнаем, если не попытаемся, — рационально заметил Тавиш. — Я бы и сам взялся, но просто не представляю, как лечить. Боюсь, только хуже сделать.

Больше до самой околицы не разговаривали. Уж не знаю, о чем думал Тавиш, но мои мысли вертелись вокруг предстоящего путешествия и похода к магу. Сама мысль затеряться в толпе, зажить новой жизнью казалась соблазнительной. Но если мне еще и внешность исправят...

За деревьями стали проглядываться редкие огни, и Тавиш резко остановился. От неожиданности я влетела ему в спину.

— Что это за песни? — Наколдованный будто не почувствовал удара.

Я перевела дыхание, прислушалась.

Вспомнила!

— Сегодня Ночь покровителей. Молодежь устраивает гулянья, делают чучела из соломы, вместе с ними идут в лес на пикник, потом ближе к утру чучела сжигают и прыгают через костры. Еще ищут мифический клад. Весело, наверное... Я ни разу не ходила.

Даже не вспомнила о празднике, пока Тавиш не услышал песни на другом конце селения.

— А по-моему, глупость несусветная, — бросил беловолосый и решительно зашагал дальше.

— Это дань уважения покровителям! — возмущилась я, как и пристало всякой дочери Лунной Матери и Солнечного Отца, но в этот раз почему-то почувствовала себя до крайности глупо.

Насмешливый взгляд Тавиша лишь добавил сомнений.

— Скорее повод нажраться дешевой выпивки, поорать песни и позажимать девок в лесу. — У моего спутника имелось свое видение традиции. — Не думаю, что этим вашим покровителям приятно, что их изображают соломенными куклами, а потом сжигают. Ну, если на минутку допустить, что они вообще существуют.

— Ничего святого для тебя нет! — ужаснулась я.

— Есть, — к огромному моему облегчению, не согласился наколдованный.

Вот зря я все-таки на этом не остановилась! Не стоило спрашивать.

— Что же?

— Мои желания. Счастье и безопасность для меня и моих близких. Достаток. Справедливая месть, — перечислил он все то, что старый жрец из храма снисходительно называл мирской суетой. — Да много чего еще можно придумать. Но позажимать девок в лесу я тоже не откажусь, даже если ради этого надо притвориться, что следуешь каким-то там традициям!

Если отбросить шелуху, правдивое зерно в его словах было. По старым верованиям, в эту ночь можно было все или почти все.

Сказать что-нибудь еще я не успела, мы как раз подошли к красному дому с вырезанными кошками на оконных рамах. Да с чего он вообще взял, что Арина в праздник никуда не пошла? Но Тавиш, поправив на плече сумку и крепче перехватив мою руку, уверенно прошел в калитку и распахнул дверь, ведущую на веранду. Рука его при этом вспыхнула белым, мой слух уловил еле слышный звон.

— Что бы ни происходило, держись за мной и не влезай, — сквозь зубы процедил наколдованный.

Наверняка происходить будет какое-то гадство. Но даже если захочу, повлиять на Тавиша все равно не сумею. А прислушавшись к себе, поняла, что и не хочу. Ведьма — его дело. И магия у него. Ему же и виднее, как со всем этим быть.

Ходить далеко не пришлось. Арина нашлась на веранде, рядом с огромным котлом. Запах вокруг витал знакомый, было жарко от огня, а сама ведьма выглядела уставшей, даже измученной. Значит, она тут давно.

— Ну здравствуй, Арина, — обозначил наше присутствие Тавиш.

Ведьма медленно повернулась.

Но почему-то не стала колдовать. Даже не попробовала.

Взгляд ее вцепился именно в меня.

— Я и представить себе не могла, что без тебя будет так трудно ухаживать за больными, — выдохнула Арина и вроде бы даже пошатнулась. — А мне еще отвары лечебные делать. Еле на ногах держусь.

В подтверждение своих слов она тяжело опустилась на низкий табурет и принялась обмахиваться рукой. Сомневаюсь, что от этого стало прохладнее.

— Лихорадка? — ужаснулась я. — Уже? Но еще же только конец весны...

— Вчера четверо заболели, — поведала ведьма.

— Потом посеCRETничаете, девочки, — едко оборвал нас Тавиш. — Сейчас я хочу видеть описание ритуала, который ты провела перед моим появлением, и знать, кому предназначался такой подарочек.

Ведьма прикусила губу, болезненно сглотнула и вполне правдоподобно соврала:

— Мне. — Я знала, что это ложь, потому что Тавиш как-то обмолвился, что чувствует еще кого-то. Не верить ему не получалось. — Я женщина одинокая, вот и решила...

Выкрутиться не получилось. Тавиш даже дослушивать не стал. В одно смазанное движение оказался рядом с ведьмой, а в следующий миг словно котенка вздернул ее с табурета и наклонил над котлом. Так низко, что красивое лицо с высокими скулами покраснелось от пара. Пузырьки, лопаясь, жгли кожу брызгами. Арина пронзительно вскрикнула и забилась в руках своего создания.

— Пр-р-равду, — в голосе беловолосого явственно послышались рычащие нотки. — Иначе даже Михаэлла рядом с тобой красоткой покажется.

Ситуация приняла опасный оборот, но даже сейчас ведьма не воспользовалась даром.

— Беата Ффруа!.. — почти прокричала Арина. — Мой дом стоит на их земле. Здесь замыкается моя сила. Я практически принадлежу им. Я не могла отказать! Прости-прости-прости меня!

— Ближе к делу, — отстраненно потребовал Тавиш и хорошенько потрянул пленницу, отчего та в отчаянии заскулила.

— Она хотела себе ручного любовника. Полностью подконтрольного ей, но в то же время сильного, мужественного и все такое, — лепетала ведьма, отчаянно изворачиваясь в руках мучителя. Ее лицо цветом уже напоминало спелый помидор. — Это она принесла ритуал. Да пусть же, мне больно!

Арину было искренне жаль. Так ведь подумать, они тут все зависят от Ффруа. Кроме меня, потому что моя родная мама выкупила дом и клочок земли под ним. И получается, что Джереми Ффруа не имел права хватать меня и запираТЬ в камере.

Легкая зависть, которую я прежде испытывала к ведьме, ее красным сапожкам и тому уважению, что оказывают ей обитатели Черного Леса, пропала, не оставив и следа. Не слишком-то выгодное у нее положение.

— Описание ритуала есть? — требовательно встряхнул ведьму сотворенный ею монстр.

— В кармане плаща листок! — взвыла Арина.

— Михаэлла, проверь, — скомандовал Тавиш.

Плащ висел тут же, на вешалке, приделанной к стене. Мне только и требовалось повернуться и запустить руку в карман.

— Есть. — Развернув листок, я взгляделась в неровные строчки и разочарованно добавила: — Тут какие-то символы, я не понимаю.

Пришлось подойти к Тавишу и показать.

— В старину маги писали такими знаками, — всхлипнула Арина. Она уже не сдерживала слез, и те частыми капельками бежали по щекам, некоторые из них падали в готовящееся снадобье.

Его придется переделывать. А это еще несколько часов работы.

Да, ведьму мне было жаль. И в то же время во мне загноившейся занозой сидело понимание, что, будь сила на ее стороне, она бы меня не пощадила. Никто из них.

Окинув трясущуюся в его руках женщину презрительным взглядом, Тавиш швырнул ее на стул. Арина теперь рыдала в голос, тонкие пальцы ощупывали раскрасневшееся лицо.

Фу ты, какая неженка! Серьезного ожога там нет. А краснота скоро пройдет...

Отвлекшись на ведьму, я сразу и не заметила, как Тавиш вооружился ритуальным ножом. Только когда Арина затихла, в ужасе округлила глаза и отчаянно взмолилась:

— Пожалуйста, не надо!

Нож был большой, потемневший от времени. Видимо, достался Арине от бабки, которая тоже ведьмой была. На широком острие слабо мерцали черные с оранжевыми проблесками символы, но стоило Тавишу бросить на них недовольный взгляд, как незнакомые мне знаки вспыхнули белым.

— Я не хотела... Больше никогда... Клянусь!!! — скулила ведьма.

— Надо разорвать связь, — сжалился над ней результат ее колдовства и снизошел до объяснений. — Потому что три привязки много даже для меня. Михаэлла, подай кружку, пожалуйста.

Не глядя, взяла со стола первую попавшуюся кружку и протянула ее Тавишу. Когда же он полоснул ножом запястье Арины, алый ручеек ударил по дну кружки, а Арина зашипела от боли, я испытала приступ дурноты. Пришлось привалиться к стене, чтобы не упасть.

Словно почувствовав мое состояние, Тавиш коротко глянул на меня и кивнул. Я восприняла это как разрешение и, шатаясь, побрела к выходу. Мне надо на воздух. Тут слишком жарко, слишком много разных запахов.

Ночная прохлада не спасла. Пара вдохов — и меня вывернуло наизнанку. Отдышавшись и выждав немного, я подошла к колодцу, чтобы умыться и попить. У Арины красивый большой дом и свой собственный колодец во дворе. Краем глаза видела в окне веранды всполохи белого света. Колдуют. Надеюсь, у них получается.

Как раз привела себя в порядок и собиралась вернуться, когда Тавиш показался на крыльце. Привычно бледный, по лицу и не поймешь ничего. Разве только красное пятно на рубахе о чем-то говорило.

— Эй, ты тут жива? — Он вроде бы по-настоящему беспокоился.

— Задумал сразу и от второй привязки избавиться? — От смущения я начала язвить.

Но воспринято это было нормально, никаких обид.

— Вторая будет не твоя.

— Идем к Ффруа? — Не требовалось быть провидицей, чтобы догадаться о его планах.

Но особняк, принадлежащий землевладельцам, преподнес нам сюрприз. Он был тих и погружен во тьму. Только на первом этаже два окошка горели. Охрану и большую часть прислуги Ффруа привезли с собой, в доме же постоянно жила только одна семья, которая убирала и смотрела здесь за всем. Даже не в самом доме, а в сделанной специально для них пристройке.

Невнятное предположение шевельнулось во мне, но оформиться не успело — Тавиш сделал выводы раньше:

— Похоже, их здесь нет.

— На праздник ушли? — Я сама понимала, насколько это маловероятно.

Беловолосый посмотрел задумчиво на меня, с неприязнью — на дом и велел:

— Стой здесь. Только тихо. Я сейчас вернусь.

Мало ли куда человеку понадобилось? Я притихла и послушно замерла в тени старых деревьев. Только вздрагивала, когда ветки над головой трещали.

Тавиш вернулся через пару минут, хмурый и задумчивый больше обычного.

— Ну что?

— В город уехали. — Ответ поражал лаконичностью. И просто поражал.

— А... я думала, они тут насовсем останутся. — Я правда так считала. Не знаю почему.

Смешок, вырвавшийся из горла мужчины, был где-то даже обидный.

— С чего бы им менять комфортную городскую жизнь на прозябание в этой дыре?

Окинув взглядом большущий дом, который местные называли богатым или господским, я все-таки успела вовремя прикусить язык. К чему лишние споры? Да и не стоят Ффруа того. И так понятно, что у нас с Тавишем разные представления о комфорте. И об остальном тоже. Если для меня красные ведьмины сапожки — это роскошь, то он даже на особняк Ффруа поглядывает снисходительно.

— Ничего, от меня все равно не уйдут, — пробормотал наколдованный, и было в его голосе, взгляде, самом профиле что-то такое, что не оставляло места сомнениям — врага он достанет. Рано или поздно. Пока же это не представляется возможным, Тавиш решил переключиться на мои дела: — Ну что, показывай, где живет твой обидчик.

— Раз пришла лихорадка, Ритхель, наверное, в конторе, — подправила наши планы я и торопливо зашагала в нужном направлении.

Шла предусмотрительно закоулками, опасаясь попасться кому-нибудь на глаза. Собственно, за этого кого-то и опасалась, потому что, пока мы связаны, Тавиш меня в обиду не даст. А потом... Впервые в жизни мне не хотелось думать о загадочном «потом». Как-нибудь все устроится, все равно я сейчас ни на что повлиять не могу. А вот справедливость, до которой осталось всего две улицы, приятно грела душу, делала воздух будто бы слаще и заставляла кровь быстрее бежать по венам.

Тавиш не отставал ни на шаг. Больше того, как выяснилось, внимательно за мной наблюдал, вот только выводы в этот раз получились не совсем правильные.

— Только не говори, что жалеешь старого мерзавца, — не выдержал он, когда идти оставалось совсем немного.

Два дома. И отсюда было видно, что в конторе окошко светится. Значит, Ритхель там.

И в большой лечебнице все окна горят, а сквозь одно даже видно, как молоденькая помощница очередного нового лекаря разбирает снадобья.

— Не скажу, — думая о своем, откликнулась я.

— Вот и умница. — Таковую позицию спутник полностью одобрял.

— Но все равно не убивай его, ладно? И не калечь.

Недовольство Тавиша было таким сильным, что я почти могла ощущать его кожей.

— Михаэлла! — тихо, но внушительно рыкнул мужчина и возвел глаза к безучастному небу в мелкой россыпи звезд.

— У него жена и две дочки, — пояснила ход своих мыслей я. — Они-то чем виноваты?

— А ты думаешь, твоими деньгами он пользовался один? — Голос Тавиша так и сочился ядом.

Я насупилась и затихла. Все равно мысли сейчас больше лечебница занимала, и взгляд не отлипал от нее же.

Уже у самого входа я не выдержала и поделилась тем, что буквально жгло изнутри:

— В селении лихорадка, я одна могу ухаживать за больными и не заразиться. Но знаешь, я так зла на них, что не испытываю никакого желания помогать. Вообще ничего не испытываю, кроме отвращения. — Замолкла на мгновение, перевела дух и спросила... глупость, конечно, но важную лично для меня: — Я плохой человек, да?

Получилось жалобно. Даже жалко.

— Нет, — серьезно прошептал Тавиш. А потом в своей обычной манере добавил: — Слава... как их там... покровителям, ты не безнадежна! Хотя при чем тут они, наверняка это мое положительное влияние сказывается. Пошли уже, хватит нюни распускать!

Действительно, нашла, кому душу изливать. Но разобидеться не успела, Тавиш цыкнул и втокнул меня в распахнутую дверь.

Охраны тут отродясь не водилось, управляющий землями Ффруа — не такая уж большая шишка, а деньги и важные документы Ритхель прятал в ржавый ящик, гордо называемый сейфом. Вроде бы там даже магическая защита имелась. Но она не могла помешать нам добраться до самого главного человека в селе.

Мы обогнули стол, за которым раз в сезон принимали подати, прошли по короткому темному коридору, после чего Тавиш, не церемонясь, взял и выбил дверь. Надобности в этом не было, она не была заперта, но устрашающий эффект получился на славу.

Ритхель побледнел, привстал со своего места и тонко, по-бабьи, взвыл. Это его горящие золотом глаза и руки, окутанные белым светом, сквозь который устрашающе торчали когти, так впечатлили.

— Вы кто? Что вам нужно? Михаэлла?! — Голос старика звучал визгливо.

— Преступница, за которую объявлена награда, сама к тебе в руки пришла. Что же ты не радуешься? — любопытствовал Тавиш.

Судя по тому, как позеленел Ритхель, обрадоваться у него упорно не получалось.

Но быстро сориентировался, надо отдать ему должное. И одна рука управляющего потихоньку потянулась к статуэтке, стоящей на краю стола, — простенькому шарикку из цветного стекла на резной деревянной подставке. Со стороны это выглядело нервным движением, не более, поэтому я поспешила предупредить сообщника:

— У него там сигналка для вызова патруля и вообще всех, кто услышит.

Парни-то наверняка в лес ушли, но мало ли кому взбредет в голову погеройствовать?

— Пусть не надеется, она не сработает, — самоуверенно заявил Тавиш.

Однако надежду так просто было не убить, и трясущаяся ладонь Ритхеля сжала подставку, а большой палец принялся тереть стекло. Я втянула голову в плечи, готовая услышать противный оглушающий звук. Но миг прошел, другой, а ничего так и не произошло... Разве только Тавиш разозлился.

— Я же сказал, не сработает! Куда руки тянешь?!

Жутковатые глаза полыхнули, и, словно им в ответ, свет вокруг ладоней разлился ярче. Стекланный шарик взорвался, осколки брызнули в разные стороны. Кажется, один даже меня царапнул, но я была слишком поглощена происходящим, чтобы обратить на это внимание.

— Давай без глупостей, — миролюбиво предупредил Тавиш, закрывая окно и дверной проем белесыми щитами.

Ритхель активненько так закивал:

— Ч-что вам нужно?

— Угадай, — предложил мой... ну почти герой. — Предупреждаю, попытка всего одна.

Желания срочно проститься с жизнью у Ритхеля раньше не наблюдалось, и подлость он явно за собой знал, но вместо ожидаемого и единственного верного ответа начал бляеть что-то совсем уж невнятное:

— Я сниму листовки... И позволю вам уехать... Даже денег в дорогу дам. Только пощадите!

Так противно стало. Даже не от его воплей, а от ощущения, что меня за дуру держат. Опять.

Негодяю неоткуда знать, что ограбленная сиротка в курсе его делишек. А признаваться в них он явно не планирует.

— Ответ неправильный, — отстраненно отметил Тавиш и медленно направился к управляющему, поигрывая когтями.

Тот тяжело упал на стул, отчего несчастный предмет мебели жалобно скрипнул. Полными неподдельного ужаса глазами Ритхель следил, как неумолимо приближается его личное наказание.

Возможно, и мое тоже, но об этом думать стану потом.

Изогнутый коготь медленно прошелся по лоснящейся от пота щеке. Будто замороженная, я следила, как медленно набухает кровью царапина, а потом частые капельки стекают вниз и теряются под воротом несвежей рубахи.

Чувство сострадания так и не пришло. Но и удовольствия от процесса восстановления справедливости получить не удавалось. Мерзко. И страшно. Как будто лихорадка, только жара нет и язвы внутренние. И справиться с ней сложнее, потому что гниющую совесть никакими снадобьями не излечишь. Пусть бы это закончилось поскорей!

А вот Тавиш откровенно наслаждался.

Отнял палец от кровоточащего следа, некоторое время порассматривал коготь, только что не облизал его, после чего участливо спросил:

— Ну что, попробуем еще раз?

Подлое сознание покидать Ритхеля не собиралось, пришлось ему отвечать.

Снова неправильно.

Еще одна царапина.

Но и это вора ничему не научило. Покровители, как же глупо! Это же просто деньги! Сказать по правде, мне уже не так и хотелось их. Хотелось просто уйти, зря мы все это затеяли. Но и справедливости хотелось. И отвернуться что-то не давало.

Беловолосому чудовищу игра наскучила после четвертой царапины и обещания дать нам очень много денег. По сельским меркам, конечно. У нас это кошель с серебром. Небольшой. Тавиш явно тоже смекнул, в чем считать, и в ответ на «заманчивое» предложение брезгливо фыркнул:

— Дом Михаэллы.

— К...

— Если сейчас спросишь какой дом, я разорву тебе горло. — Угроза была произнесена тихо и буднично, даже скучно, что не оставляло ни малейших сомнений в ее правдивости.

Когти возле шеи подействовали на Ритхеля, словно ушат ледяной воды. Похоже, Тавиш наконец нащупал нужную точку. С этого и надо было начинать!

— Ах, этот дом! — почти пропел измазанный в собственной крови управляющий. — Да

забирайте, конечно. Сразу бы сказали. Я же просто присматривал за ним.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки и снова разжались. Стало даже немного жаль, что когтей у меня нет. И магии нет. Чтоб этому подлецу неизлечимыми язвами с головы до пят покрыться!

— Хоть сейчас не ври! — зашипела не своим голосом. — Присматривал! Ты поэтому наследство от меня утаил? Оставил жить в нищете? Сдал дом и прикарманил арендную плату? Оговорил перед Ффруа?

От злости ломило в висках. Хотелось подойти и пнуть мерзавца ногой. Но это желание я, конечно, подавила. И в тот самый миг, когда мне почти уже удалось успокоиться, Ритхель с лживой заботой, как это делал всегда, принялся заговаривать мне зубы:

— О тебе же заботился, дуреха. Куда тебе деньги? Молодая, глупая, просадишь все. А так я их придержал, думал, замуж выйдешь, тогда и отдам.

Убедительно. Было бы, если бы не следы болезни на моем лице. Но они есть и деваться никуда не собираются. А значит, замуж я не выйду никогда. А это, в свою очередь, значит, что кто-то только что, можно считать, признался.

Кажется, он собирался добавить что-то еще, но Тавишу надоело слушать и он практически воплотил мое недавнее желание — впечатал кулак в подлую морду.

— У-у-у-у... — взвыл управляющий землями Ффруа.

— Ну, раз деньги в целостности и сохранности, — заколдованный даже сделал вид, что поверил, — тебе ничего не стоит прямо сейчас отдать их Михаэлле.

С когтями у горла все пошло быстрее в разы. Нет, Ритхель честно попытался затянуть дело до утра, а то и на несколько дней: мол, деньги в банке, в городе, их заказывать надо... На что Тавиш предложил пока позаимствовать нужную сумму у Ффруа, а потом уже заказать и возместить взятое. Веским аргументом стали кончики когтей, до крови пропоровшие кожу. В общем, деньги нашлись тут же. Ладно, не совсем тут, пришлось за ними спуститься в опечатанное магией хранилище. Я и не знала о нем!

Один за другим в полотняную сумку на плече заколдованного перекочевывали тугие кошельки. Сначала вернулось украденное. Потом проценты за пользование моими деньгами. А после Тавиш заставил Ритхеля выкупить у меня дом обратно. Все равно, будучи беглой преступницей, воспользоваться им не удастся. Я даже документ какой-то честно подписала.

Управляющий пытался стенать о том, что хозяйева ему голову оторвут, но Тавиша это волновало мало. Меня, если честно, тоже. Сам дел наворотил, вот и пусть теперь разбирается. Может, эти Ффруа больше и не наведаются сюда. Тогда проблемой будет только свести концы с концами, но он пронырливый, справится. Да и село у нас большое, себя как-то содержит. Разберутся.

Все шло слишком хорошо. Но я была занята мыслями о потерянном, вернее, так и не обретенном доме — единственном, что осталось от родной мамы, о другом просто не думала.

Мы уже выходили из хранилища, в котором помимо запасов денег на хозяйственные и всяческие непредвиденные расходы хранился разный хлам вроде старой мебели из конторы, книг, бумаг и тому подобного. Видимо, это все дополнительно прикрывало тайник. С Ритхелем любой мог войти и выйти, о защите беспокоиться не стоило. Даже Тавиш в какой-то момент немного расслабился.

Зря, как оказалось. Этого короткого мгновения Ритхелю вполне хватило, чтобы с полки одного из сломанных шкафов схватить что-то острое и с неожиданной для человека его

возраста прытью броситься на Тавиша.

Я только вскрикнуть успела, как на новой светлой рубахе расплылось уродливое бордовое пятно.

Наколдованный с ярко выраженным осуждением обзрел длинный нож без рукояти в своем боку и пошатнулся. Воодушевленный успехом, Ритхель засадил острие поглубже. Страшно чавкнуло. Я зажала себе рот руками, чтобы не заорать.

Нет, только не он! Все не может оборваться вот так...

Полубезумный страх за наколдованного смешался со страхом потерять хоть и призрачный, но шанс на новую жизнь. В меня будто вселилось что-то. Не осознавая толком, что делаю, я схватила полуотломанную полку одного из шкафов и приложила мерзкого Ритхеля по голове. В удар вложила все силы.

Ритхель захрипел. Это Тавиш выполнил угрозу и использовал когти. Кровь алым дождем брызнула во все стороны.

В последний раз неверяще оглядев нас, Ритхель сполз на земляной пол.

— Ну а ты чего полезла? — Как только стало ясно, что враг больше не опасен, Тавиш направил свое недовольство на меня.

И это вместо благодарности! Почему-то стало стыдно.

— Я хочу в город. И к магу, — пробурчала еле слышно. — И не хочу, чтобы ты развеялся.

Такое объяснение было наколдованному понятнее, чем если бы я просто сказала, что испугалась за него.

— Ничего со мной не случится, — преувеличенно безразлично заявил он и одним движением выгацил нож. — Вот тварь, новую рубаху испоганил.

Опять чавкнуло. И хлюпнуло. Кровь обильно текла, хоть Тавиш и зажимал рану. Я дышала с трудом, к горлу подкатывала тошнота. Странно все-таки: на окровавленного Ритхеля смотрю без лишних эмоций, а вполне живой Тавиш вызывает такую панику, что все внутри холодной дрожью сводит.

— Надо перевязать. Поставь сумку.

Не скажу, что взяла себя в руки, но годы работы в лечебнице сказывались. И хоть там я помогала в основном, когда приходила лихорадка, обращаться с резаными ранами тоже умела. Так уж устроены люди, что даже во время болезней жизнь не останавливается.

Знакомые действия заняли несколько минут. Испорченная рубаха пригодилась на бинты. Повязка, конечно же, сразу промокла, но это лучше, чем совсем ничего.

— А ты сильная. — Чтобы отвлечься от боли, Тавиш начал болтать. — Доску запросто выломала и плотную ткань сейчас легко порвала. Признаться, не ожидал. С виду кажешься заморышем.

Несмотря на холод, сковывающий все внутри, в лицо бросился жар.

— Полка была сломана, на одном честном слове держалась, — зачем-то принялась оправдываться я.

Миг, когда я бросилась защищать своего странного союзника, теперь помнился будто в тумане.

— Ну да, — не поверил раненый. — Ладно, пошли отсюда. Надо до рассвета убраться как можно дальше.

Сумку Тавиш мне отдать отказался, так и тащил сам. Я пыталась пререкаться, потом даже обиделась, но он остался непоколебим. Заложенные ведьмой качества в его натуре преобладали даже над здравым смыслом.

Впрочем, ему мучиться, а мне дуться довелось недолго. Рана хоть и не была опасной для жизни в той ее форме, в которой существовал мой спутник, но причиняла страдания и сильно замедляла наше передвижение. Тавиш уже через две улицы не выдержал:

— Михаэлла, подумай, где прямо сейчас можно достать лошадь. Хотя бы одну.

Достать, в смысле, украсть. Но вопреки обыкновению мне в голову не пришло ни единой мысли о моральной стороне такого поступка. Тавиш ранен, он не может сам идти. Сейчас это казалось главным. Так что я правда стала думать, кто из сельчан легче всего переживет потерю четвероногой собственности.

И довольно быстро вспомнила:

— Купец Трофем за товаром еще неделю назад уехал, сыновья с ним. Его жена строгая, так что на время праздника, чтобы девчонки тайком на гулянье не удрали, наверняка увезла дочерей на отдаленный хутор к своей матери. А работники, конечно, вместе со всеми в лесу, пусть Марьяра и запретила.

Тавиш одобрительно заулыбался, хоть радость на его лице и была соединена с гримасой боли.

— Умница. Веди.

Неприятностей не ожидалось, их и не последовало. Видно, покровители тоже празднуют, иначе чем еще объяснить такое везение? Все было в точности так, как я надеялась. В купеческом доме и во дворе ни души. Тавиш сбил замок магией, после чего опять пошатнулся, и бледность его приобрела легкий оттенок синевы. Я мысленно записала себе еще одно преступление, конокрадство, мысленно же пожала плечами и вполне реально решительно шагнула в сарай.

Там наколдованный обозрел богатство из четырех лошадей и вывел из стойла двух. Спорить опять желания не возникло.

— А теперь скажи, каким путем лучше выбираться из этих мест? — прозвучал новый вопрос, пока мы общими усилиями седлали лошадей. В теории умели оба, а вот на практике все оказалось не так легко, поэтому дело двигалось из рук вон медленно.

Это просто. На востоке болота, там и пешком-то не всякий пройдет. На юге заброшенные рудники и граница с Доргисом, несколько приграничных селений и еще рудники, только принадлежащие уже соседнему королевству. Собственно, туда наши купцы и ездят торговать, порой привозят домой какие-нибудь диковинки. На севере леса и редкие селения, ближайшее в четырех днях пути. Значит, остается только одно.

— По большой дороге, через два дня будем в Гилхе, — уверенно сообщила я и улыбнулась, крайне довольная собой.

Но Тавиш спрашивал вовсе не для того, чтобы последовать моему решению.

— Отлично! Значит, так мы точно не поедем.

— Эй, я не глупая! — не сдержала возмущения.

Мужчина чуть улыбнулся и... будто погладил меня взглядом по щеке. Странно так...

— Не глупая, — согласился он. — Но опыта побегов у тебя немного, ведь так? И ум у

тебя работает примерно как у всех местных, так что выбираем другой путь.

— Все равно через несколько дней окажемся в том же Гилхе, — примирительно повела плечами я, но и тут меня поджидало разочарование.

— Зачем это? — приподнял белесые брови Тавиш.

Разобравшись с упряжью, он вывел лошадей во двор и магией исправил замок, насколько это было можно, чтобы пришедшие с гулянки работники так сразу ничего не заметили. На бледном лбу выступили частые бисеринки пота.

— Ты ведь сам сказал, что нам нужно в город! — Чувствовать себя неотесанной деревенщиной было очень неприятно.

Издевается он надо мной, что ли?

— Да, но я не говорил, что именно в Гилх, ведь так?

Я явственно ощутила, как краска в очередной раз расплзается по лицу. Точно, не говорил, это я сама додумала. Просто как-то привыкла, что если говорят про город, это всегда Гилх. По эту сторону границы здесь больше ничего нет поблизости. Ну, разве только Терой, но туда целую неделю добираться.

— Нет, — повесила нос я.

Разницы, куда именно ехать, для меня не было, просто в очередной раз стало страшно. Я безобразная, непривычная к другой жизни, кроме сельской. Что я там делать стану? И даже то, что теперь у меня есть деньги, не особенно радовало. Откуда мне знать, вдруг для города это не такая уж большая сумма?

— Мы отправляемся в столицу, Михаэлла, — добил меня беловолосый нарушитель спокойствия.

В состоянии запредельного изумления я как-то взобралась на лошадь и трянула поводьями. Смирная кобылка коричневой масти покосилась на меня хитрым черным глазом и живо потрусилась со двора.

Когда выехали за околицу, я оглянулась, но села за деревьями уже не было видно. Может, поэтому и не дрогнуло внутри ничего.

Мама Мианна занималась со мной географией. Она вообще обучила меня всему, что знала сама. Покопавшись в памяти, я отыскала там названия крупнейших городов королевства, имя короля и даже названия соседних стран. Но все это было сродни одной из сказок из потрепанной книги, которую в детстве мама читала мне перед сном. Словно кусочки чужой реальности. Мой же мир был узок и ограничивался Черным Лесом, болотами и Гилхом, название которого было на слуху. Я точно знала, что в ту же столицу никогда не попаду. Да что уж там, я будто даже не верила в ее существование!

Сейчас границы привычного мира распались, и меня захлестнули растерянность и страх.

По широкой укатанной дороге мы все же поехали, но только до соседней деревни. На самом деле это был придорожный рынок в месте, где сходились две дороги на Гилх, и располагались несколько вольных хозяйств, кормящихся от проезжающих по тракту. В одно из них напросились на завтрак и короткий отдых. Там же за небольшую доплату обменяли лошадей на других.

Одежда на нас была городская, и хозяева с легкостью приняли нас за путников издалека. Тавиш эту легенду поддержал, назвал шпук пять совершенно незнакомых мне городов, а потом поведал, что везет сестру к целителю-отшельнику неподалеку от Тероя. Мол, порча на мне. Лицо я старательно прикрывала, а на каждую попытку содрать с меня шаль начинала

кашлять. Раза после третьего от меня отстали и, боясь подхватить неведомую заразу, постарались отделаться от нас поскорее.

Уверенность крепла с каждым мгновением. Односельчане меня одну ищут, а тут двое путешественников. И волосы у нас обоих светлые, комплекция костлявая, никто не сомневался в родстве.

Платили мы хорошо, так что в комнату на пару часов нас все-таки пустили. Хотя потом, подозреваю, белье сожгут и ведьму позовут, чтобы ритуал очищения провела. Просто так, на всякий случай.

Спать хотелось мучительно, ну или хотя бы просто полежать неподвижно. Верхом я ездила третий раз в жизни, но впервые так долго. Ноги и спина противно ныли, а попа, которая за последние дни натренировалась чувствовать неприятности, тихонько подсказывала, что это только начало. И все же часть времени, отведенного на отдых, пришлось потратить на то, чтобы осмотреть и заново перевязать рану Тавиша. Она выглядела получше и уже почти не кровоточила. И это совсем без лекарств! Само собой, воздержаться от вопросов я не могла:

— Кто же ты? Как ведьма могла создать мага, который сильнее ее? — Интерес тем более насущный, что мне с Тавишем еще много времени предстоит провести.

— Создать человека... вообще живое существо никакая магия не поможет, — сквозь зубы ответил Тавиш.

Это он от боли.

— Знаю. — Я кивнула. — В смысле, раньше я была в этом уверена.

— Говорю же, ты просто умница, — непонятно чему умилился наколдованный. — И Арина наверняка это знала. А вот Беата — нет, или ей было плевать. Тот ритуал, скорее всего, специально для нее создавали. А значит, в столице у нас есть как минимум еще одно дело: найти идиота, считающего себя умником, и доходчиво объяснить, что так делать нехорошо.

Правильно звучит, но слышать это от того, кто получился в результате того самого ритуала, было забавно. Если только не...

— Все пошло не так, да?

— Угу. И дело даже не в твоём появлении, — подтвердил мою догадку беловолосый. — Просто ничто не появляется из ничего. Один из основных законов магии, между прочим.

Догадки закончились. Я даже бинтовать перестала — притихла и во все глаза взирала на мужчину в ожидании объяснений.

Сжалился он довольно быстро. Наверное, и сам хотел уже наконец поделиться.

— Мне досталось тело парня, который погиб как раз в момент, когда Арина проводила ритуал, — медленно начал он. — Его личность мертва, я получил только тело, основную память и некоторые предпочтения и привычки.

Слотнуть получилось с трудом. Вот когда вороватая натура моего сообщника проявилась. И, надо заметить, не по его вине. Не зря я всю жизнь магии остерегалась. Жуть берет от таких дел.

Остается только надеяться, что тому, другому, это тело правда было уже не нужно.

— А внутри? — Желание дотронуться пальцами до лба Тавиша подавила. Даже в процессе работы с раной я старалась лишней раз его не касаться.

Тяжелый взгляд существа, человеческого в котором была разве что оболочка, камнем упал мне на голову. Я даже дернулась.

— Скажу, если пообещаешь, что не сбежишь от меня с воплями.

Надо же, ему тоже бывает страшно! Кто бы мог подумать...

— Л-ладно. — Я испытывала то же чувство, только причины были другие.

— Заодно дай слово, что этому обещанию можно верить. — Требования становились все более абсурдными.

Издевается он, что ли? Не хочет рассказывать?

— Хорошо, — скрипнула зубами я. — Даю.

— Учти, ты пообещала, — тоном ребенка, который собирается сознаться в большой шkode, но лелеет надежду отвертеться от нагоняя, напомнил Тавиш.

Захотелось его стукнуть, даром что раненый!

— Могу еще и клятву на крови принести, — фыркнула я. — Рассказывай уже!

Тяжелый взгляд стал каким-то затравленным. Его золото и лазурь будто поблекли. Тавиш набрал побольше воздуха и быстро выговорил:

— Не надо клятвы, я верю. Ты только не бойся... Я — простейшая демоническая сущность с низшего уровня. В смысле, половина меня. Была, прежде чем попасть в это тело, соединиться с остатками прежней личности и стать мной. Ну вот, сказал. Михаэлла?

Он сразу же принялся тормозить меня, ожидая хоть какой-то реакции, но прямо сейчас реагировать не получалось. На меня напал ступор, еще и дар речи, что называется, пропал.

Вот это меня угораздило! И его. Но меня все-таки больше.

— Так это твоя страшная черная морда нарисована на стене храма, где расписан запрет на темную магию? — сама не знаю, зачем спросила.

Храм в Черном Лесу был старый, еще тех времен, когда богатый землевладелец Ффруа с семейством жил в своем особняке, а на площади перед храмом проводились показательные казни. Лихорадки тогда и в помине не было. Я знаю, потому что наш жрец любит вспоминать те времена, хотя ни он сам, ни его предшественник их не застали. Так вот, стена с запретом еще с тех лет сохранилась. Выцвела, конечно, поскольку никто ее не обновлял, но сохранилась. На ней по-старинному написано, что если не уничтожать темных магов и позволять им проводить их кровавые ритуалы, то грань истончится и в наш мир смогут прорываться опасные существа с демонического плана. Ну и ужасы такого прорыва подробно нарисованы. Там до того страшные морды, что я в детстве даже ходить мимо боялась.

— Нет, — улыбнулся Тавиш. — Демонические сущности с низшего плана, переходя в этот мир, не получают осязаемой оболочки. Наша же пригодна только для нашего измерения. Жуткие морды и уродливые туши придумали ваши жрецы. Но занимать тела в момент, когда человек умирает, как выяснилось, мы можем. Этому миру повезло, ритуал на меня повлиял, и привязка свое дело сделала. Но поверь, будет лучше, если никто из мне подобных больше здесь не появится.

Я припомнила кражи, мучения Арины, смерть Ритхеля и сочла везение сомнительным.

— То есть возвращаться домой ты не хочешь? — недоверчиво уточнила я.

Перемены бывший демон воспринял слишком легко. Я этого не понимала, потому что сама бы многое отдала, лишь бы только все вернулось на круги своя. Как было до его появления в моей жизни.

— В этот кровавый свинарник? — Наколдованного даже передернуло. — Ни за что! Там кто сильнее, тот и правит балом. Мое же место было... лучше не стану рассказывать где. Что-то вроде твоего статуса в деревне, с той только разницей, что нас таких там сотни, если не тысячи. Лучше умереть, погибнуть, развеяться на всех планах, чем снова хоть на день

попасть туда. А вот тут с прежними силами и новым телом у меня есть шанс на нормальную жизнь... Только сначала надо разобраться с Беатой и убедиться, что никакой другой демон сюда не пролезет.

От новой информации голова шла кругом. Пока Тавиш говорил, руки привычно действовали. Я закончила бинтовать и аккуратно разгладила повязку, и только задев ладонью прохладную кожу пациента, пришла в себя и резко отдернула руку.

— И у тебя нет родных или друзей, которых хотелось бы снова увидеть? — И чему, интересно, я удивляюсь? У меня же нет.

— В месте, откуда я пришел, каждый за себя и против всех. Сильные в итоге оказываются на самом верху, хотя все равно прислуживают высшим демонам, нашей аристократии. — Тавиш вытянулся на узкой кровати и прикрыл глаза. Обнаружив, что я не рвусь к ближайшему жрецу или магу и вообще не поменяла к нему отношения, он расслабился и охотно делился воспоминаниями. — Но если хотя бы парочка моих братьев просочатся сюда, ты даже не представляешь, какой хаос начнется.

Ладно, ему виднее. Значит, еще и неведомого мага искать. Что-то многовато дел у нас в столице. Но они занимали мысли и отгоняли страхи, так что я не возражала. Потянулась, разминая затекшее тело, и с еле слышным стоном заняла свою кровать. Еще успела порадоваться, что их тут две, прежде чем окончательно упала в глубокую черную пропасть сна.

Но даже там меня не покидала уверенность: постепенно мы со всем разберемся. Вместе у нас неплохо получается.

Отоспаться не удалось. По ощущениям, только глаза успела закрыть, а чья-то назойливая рука уже трясет за плечо. В тот момент я Тавиша почти возненавидела. Но ничего не поделаешь, пришлось глотать зевки, прилагать нечеловеческие усилия, чтобы просто держать глаза открытыми, и лезть на новую лошадь.

Надеюсь, столица стоит этих мучений...

Четыре дня прошли в пути. Мы ехали с раннего утра до позднего вечера. Двигались быстро и не по главной дороге, а по узким тропам, поэтому почти не разговаривали. Ночевали в небольших селениях или, если таковых поблизости не попадалось, вообще в лесу. Тавиш часто менял лошадей и везде, где бы мы ни остановились, прислушивался к сплетням, но о погоне за нами не было слышно ничего.

Ритхеля еще не нашли? В город не сообщали? Слишком заняты дележкой лакомой должности управляющего? Оставалось только теряться в догадках.

Гилх обогнули, а в большой деревне с говорящим названием Болотница сделали привал. Приехали туда в полдень, напросились на постой к одинокой вдове и пробыли до утра следующего дня.

Я хоть отоспалась и разжилась мазью для ноющих мышц, а Тавиш наконец рубаху взамен испорченной купил.

Пока бродили по рынку, прислушивались, о чем люди говорят.

— Хворь... Столько лет не было, и тут на тебе!

— Говорил Ноксане, не надо было пускать ту путницу на постой, недобрая она. Может, черная колдунья, может, еще тварь какая.

В торговых рядах царила тихая паника. Женщины и даже некоторые мужчины замотали лица платками, словно сам воздух мог быть отравлен. Покупателей не было вообще, только

мы и еще один путник, съехавший с близлежащей дороги, но он, как услышал про болезнь, сразу уехал, даже не купил ничего.

Страшные подозрения копошились в душе, словно растревоженный муравейник.

— Не дергайся. — Тавиш слегка сжал мою руку. — Может, это совсем другая болезнь.

— Ты веришь в совпадения? — Сама я верила, но не сейчас.

— Нет, — вынужденно признался беловолосый и уверенно подошел к ближайшему прилавку.

Там продавали творог и молоко, но мы даже не глянули на продукты.

— Что происходит? — поинтересовался наколдованный у торговки.

Однако тучная тетка, только что оживленно переговаривавшаяся с дедком из-за соседнего прилавка, поболтать с приезжим настроена явно не была.

[Купить полную версию книги](#)